

Сидни ШЕЛДОН

ТИЛЛИ БЭГШОУ

Оборотная сторона
полуночи—2:
как феникс из пепла

Оборотная сторона полуночи

Тилли Бэгшоу

**Оборотная сторона полуночи-2.
Как феникс из пепла**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бэгшоу Т.

Оборотная сторона полуночи-2. Как феникс из пепла /

Т. Бэгшоу — «Издательство АСТ», 2019 — (Оборотная сторона полуночи)

ISBN 978-5-17-139362-5

Бестселлер New York Times! Головокружительно увлекательное продолжение легендарной «Оборотной стороны полуночи», в котором есть все, что отличало роман самого Сидни Шелдона — роскошь, блеск и крутые повороты острого, захватывающего сюжета! Элла Прэггер страдала от одиночества и неудовлетворенности жизнью, пока не получила приглашение вступить в «Группу» — таинственную организацию, борющуюся за справедливость. Именно там ее существование обрело цель и смысл. Именно тогда она узнала о своем загадочном даре. Даре, который как никогда понадобится «Группе» теперь, когда прибой выносит на греческий берег тело ребенка с таинственной татуировкой. Открытое предупреждение: криминальный гений Афина Петридис, которую считали погибшей, вернулась — и намерена вернуть власть над своей империей зла. Так начинается смертельное противостояние двух равно незаурядных и одинаково сильных женщин, связанных между собой тайной прошлого. И выйти из него живой суждено только одной из них...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-139362-5

© Бэгшоу Т., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	24
Глава 3	29
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Тилли Бэгшоу

Оборотная сторона полуночи-2.

Как феникс из пепла

© Sheldon Family Limited Partnership, 2019

All rights reserved including the rights of reproduction in whole or in part in any form.

© Перевод. Е. Токарев, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Посвящается Заку

Пролог

Пригород Афин, Греция

С террасы своей элегантной, с ослепительно белыми стенами виллы бывший президент Димитрий Манцарис смотрел на простиравшиеся за берегом курортного городка Вулиагмени чистые синие воды Средиземного моря. Теперь он постарел и растолстел, поскольку не отказывал себе в сыре, вине и пахлаве – сладком сдобном кушанье, которое всегда обожал, но которого в молодые годы, когда неумный аппетит постоянно сражался с тщеславием и самолюбием, старался избегать. В его восемьдесят лет война закончилась. Последние остатки бывлой привлекательности давным-давно исчезли вместе с политической карьерой. Все порывы и желания, что некогда двигали им, выделяя его среди остальных: неприкрытая жажда власти, ненасытное либидо и вошедшая в легенду алчность, – обратились в прах, словно стены Парфенона. Для Димитрия Манцариса еда оставалась последней телесной радостью, которой он каждый день предавался от души.

И вот сегодня впервые за многие десятки лет у Димитрия Манцариса пропал аппетит.

Этим утром Ставрос Александрис, бывший министр внутренних дел в его правительстве и близкий друг, приехал к нему и показал фотографию на третьей странице «Авги», самой популярной газеты в Греции.

– Я глазам своим не поверил, когда это увидел. – Руки у Ставроса Александриса заметно тряслись. Шестидесятилетний живчик, гибкий и поджарый в противоположность своему безобразно растолстевшему бывшему шефу, Александрис пользовался репутацией безжалостного жестокого функционера, обладателя железной выдержки, но в этот момент все его спокойствие улетучилось. – Ты же не думаешь?..

– Что она жива? – закончил за него Манцарис. «Боже, как же я на это надеюсь».

Афина Петридис. Его заклятый враг. Его сообщница. Его муза. Его ангел. Предавший его. Вот только Афина никогда не была «его». Афина Петридис никогда никому не принадлежала, даже своему мужу, воплощению злодейства Спиросу Петридису. Как и ее бессмертная тетка с горы Олимп, Афина время от времени соблаговолела вмешиваться в дела мужские, но лишь тогда, когда это доставляло ей удовольствие, и только для достижения своих целей.

Во время их романа Димитрий Манцарис был президентом и самым могущественным человеком в Греции, и все же ни одного дня, ни одной минуты не играл главенствующей роли в их отношениях. Афина Петридис владела им, как другие, не столь известные женщины могут владеть собачками, и до сих пор не отпускала его, пусть даже и она, и ее муж ушли в мир иной двенадцать лет назад.

Манцарис снова взглянул на фото, являвшее собой трагичную, но, к сожалению, ставшую уже привычной картину: тело утонувшего ребенка, на этот раз мальчика, прибывшегося к берегу острова Лесбос. Каждый день наблюдая перегруженные до последней степени катера и лодки, отходившие от берегов Ливии, греки становились все равнодушнее к неумолимо увеличивавшемуся количеству погибших среди мигрантов. Во многих местах действительность воспринималась уже со злобой и возмущением, а не просто с равнодушием. «Почему эти люди всё едут и едут? Зачем подвергают своих детей такому жуткому риску? Разве они не знают, что Греция едва может прокормить своих граждан, не говоря уже о том, чтобы распахнуть двери перед тысячами иностранцев?»

Димитрий Манцарис не разделял подобных взглядов. Фотографии по-прежнему вызывали у него жалость. Он не был, вопреки уверенности многих, бессердечным, и все же вовсе

не утонувший мальчик пробудил в нем бурю эмоций. Причиной волнения стала метка, вытатуированная на пятке ребенка, словно клеймо раба: древнегреческая буква «лямбда». Ученые видели в ней знак, украшавший щиты спартанских воинов в честь их родины – Лаконии, но для Димитрия Манцариса, как и для многих мировых лидеров своего времени, этот знак означал совсем иное: это была личная метка Спироса Петридиса, неграмотного крестьянина из Лагониссии, а также мужа Афины и самого популярного лидера преступного мира со времен Карло Гамбино.

– Это наверняка газетная «утка», – нервно пробормотал Ставрос Александрис.

Димитрий Манцарис кивнул.

– Или совпадение.

– Да.

– Не может быть, что это она.

– Нет.

– Она погибла. Они оба погибли.

– Вот именно.

– Даже в этом случае, думаю, нам с Дафной нужно ненадолго уехать. За границу. Возможно... в Чили? Пока все не уляжется. У нас там друзья...

Александрис уехал, а Димитрий Манцарис доковылял до террасы и опустился в любимое кресло. Он знал, что Ставроса никогда больше не увидит. Метка на пятке ребенка никакая не случайность: они оба это понимали, – а ведь, причем послать ее осмелился один-единственный человек.

Закрыв глаза, Димитрий Манцарис позволил себе окунуться в воспоминания. Гладкая кожа Афины, терпкий запах, грудной смех. С гнетущей тоской он вспомнил доводившее его до сладостного безумства ее божественное тело, сотворенное для секса, так же как «фerrари» создана для скорости.

– Афина...

Слово замерло у него на губах.

У Манцариса тоже были друзья, а также должники, которые могли бы помочь ему исчезнуть, пока еще не поздно, но он слишком стар, чтобы пускаться в бег.

Нет, будь что будет: он не тронется с места и дожидается, когда Афина придет за ним.

Это же счастье – увидеть ее лицо, пусть даже на мгновение, прежде чем она всадит ему пулю в голову.

Осака, Япония

Профессор-литературовед Норико Адачи увидела фотографию лишь два дня спустя. Татуировка на пятке утонувшего ребенка заполняла монитор ее офисного компьютера словно раковая опухоль на рентгеновском снимке. Ужасно, отвратительно, и тем не менее невозможно отвести глаз.

Не успели находившиеся на берегу работники благотворительных организаций заметить необычную татуировку в виде лямбды, как Интернет засыпал версии, что бы она значила. Одна-две, по мнению профессора Адачи, имели право на существование, и то скорее в силу удачи, нежели как результат здравых суждений. И никто еще даже не намекнул на фамилию Петридис.

А все потому, что люди по-прежнему ничего не знают, с горечью подумала профессор Адачи. А те, кто знает, боятся открыть рот.

Она с нежностью взяла стоявшую на почетном месте фотографию в позолоченной рамке и провела пальцем по стеклу. На фото ее единственный сын Кико в футболке с логотипом Калифорнийского университета стоял у входа в общежитие и гордо улыбался в объектив. У

него над головой синело, словно на киноэкране, бескрайнее калифорнийское небо. Это фото было сделано накануне его пятнадцатилетия. Какой же дивный тогда был день, полный надежд и ожиданий!..

А через год Кико Адачи умер. Прилежный студент-отличник, великолепный спортсмен, в котором родители души не чаяли, скончался от передозировки нового, убивавшего наповал сорта кокаина, определяемого по букве Л на пакетиках, который специально доставлялся в университетские городки США и распространялся там Спиросом Петридисом.

Через год после этого события супруги Адачи развелись – Изуми, муж Норико и отец Кико, не смог выдержать одержимости супруги Петридисом и его эффектной женой Афиной, к тому времени уже спецпосланника ООН и знаменитой на весь мир благотворительницы, обаяние и красота которой настолько поразили сильных мира сего, что ее муж управлял их огромной империей практически без оглядки на законы.

Изуми не преувеличивал: Норико действительно охватила одержимость. Она писала бесчисленные статьи о криминальной деятельности четы Петридис, которые никто не решался опубликовать, даже сочинила роман о смерти сына с минимально измененными именами и описаниями персонажей, но его тоже никто не захотел напечатать, несмотря на известность автора в научном мире. После двух с половиной лет бесплодных усилий в жизни профессора Норико Адачи настал самый счастливый день, когда она проснулась и в «Новостях» услышала, что вертолет Спироса Петридиса рухнул в отдаленном районе штата Юта: вместе с женой он погиб в раскаленном добела пламени. От Спироса Петридиса осталось всего несколько обугленных костей, которых оказалось достаточно для проведения ДНК-экспертизы. Что же до Афины – леди Макбет, – она сгорела без остатка, дотла, в прах.

За минувшие двенадцать лет Норико Адачи вернулась в университет Осаки, восстановила свою карьеру и то, что осталось от жизни. Спирос и Афина отняли у нее семью, но она по-прежнему находила утешение в книгах, в рассказах о трагедиях, утратах и возрождении, составлявших ее духовный мир еще со студенческих времен.

До нынешнего дня.

Она вновь взглянула на экран: одно фото, один знак – и буря воспоминаний.

Еще один погибший мальчик, чей-то сын.

В той катастрофе никто бы не смог уцелеть, твердила себе Норико, призывая разум обладать над эмоциями. В таком пламени невозможно выжить.

Но что, если Афина Петридис вовсе не человек? Вероятно, она и впрямь чудовище, дьявол, злой дух вроде японского Кама-итати, мифической ласки с острыми как бритва когтями, отрезавшими ножки у детей. Может, она ведьма?..

Профессор Норико Адачи сидела за столом, дав волю ненависти, словно яд хлынувшей по ее жилам.

«Если Афина Петридис все-таки жива, я убью ее...»

Лос-Анджелес, штат Калифорния

Ларри Гестер прижался к обочине на Малхолланд-драйв. Его серебристый «бугатти-вейрон» ослепительно сверкал на солнце. На пассажирском сиденье лежал айпад Ларри с меченой пяткой ребенка во весь экран.

Стало трудно дышать. Протянув руку, легендарный голливудский продюсер открыл бардачок, вытащил пузырек с антидепрессантом, сунул в рот три таблетки и с мрачной обреченностью раскрошил их зубами с фарфоровыми коронками.

Глубоко тщеславный человек, Ларри Гестер благодаря самым одаренным в Лос-Анджелесе пластическим хирургам, подпитывавшим свои таланты безграничными финансовыми возможностями пациентов, выглядел намного моложе своих шестидесяти пяти лет: с гладкой

кожей, ясными карими глазами и едва тронутыми сединой роскошными каштановыми волосами. В отличие от большинства голливудских знаменитостей Ларри Гестер не довольствовался тем, что молоденькие актрисы выстраивались в очередь к нему в постель лишь оттого, что он был богат и влиятелен: ему хотелось, чтобы его еще и желали, физически жаждали. Теперь, несмотря на все усилия, достигать этого становилось все труднее. Кто-то мог отнести это за счет его возраста, но Ларри Гестеру была известна истина: причина в ней, в Афине, Афине Петридис.

Если бы она не попалась ему на глаза!

Тогда, в свои сорок семь лет, Ларри Гестер стал одним из самых востребованных людей в Голливуде, когда согласился выступить продюсером биографического фильма о жизни знаменитой греческой красавицы. Афина приняла его приглашение пообедать и приехала в отель «Бeverли-Хиллз» в белом воздушном платье, похожая на ангела. Это стало для Ларри началом конца. Он моментально влюбился в нее, и хотя они ни разу не переспали, ни разу даже не поцеловались, одержимость женой Спироса Петридиса сделалась для Ларри движущей силой всей его жизни.

Афина, красавица, само совершенство, была жертвой, оказавшейся в цепях страшного брака с чудовищем. Именно об этом Ларри Гестер и рассказал в своем фильме, страстно желая спасти Афины, оставить в Америке, построить ей дворец в Голливуд-Хиллз, где она могла бы жить под его защитой, навеки благодарная Ларри за доблесть и благородство, словно королева Гвиневра – сэру Ланселоту.

Но судьба распорядилась иначе. На следующий день после завершения работы над фильмом Ларри Гестера среди бела дня похитили у дверей его офиса на бульваре Сансет. Никто не знал, что произошло за неделю, пока продюсер пропадал неизвестно где, и никогда не узнает. Ларри ничего не сказал ни полиции, ни семье – никому. Он просто однажды утром появился у ворот своего поместья в Беверли-Хиллз в состоянии шока. Безымянный палец левой руки был сильно поврежден, а на пятке правой ноги красовалась выжженная буква Л.

Всем, кто потом замечал эту метку и спрашивал, что она значит, он говорил: «Ларри».

Фильм так и не вышел на экраны, а Ларри Гестер никогда больше не видел Афины Петридис.

После катастрофы с вертолетом Ларри мало-помалу вернулся к своей карьере, вновь набирая обороты с того места, где рухнул. За прошедшие десять лет он выпустил четыре фильма-суперхита и дважды женился. Жизнь шла прекрасно. До сегодняшнего дня.

Опустив оконное стекло, он взял айпад и вышвырнул из машины за край обрыва, уходившего склонами в раскинувшуюся внизу долину, и вдруг разрыдался, словно маленький ребенок.

Лондон, Англия

Петер Хембрехт закрыл глаза и погрузился в музыку. Дирижерская палочка рассекала воздух с грациозностью и плавностью, что и выделяло его из самых великих дирижеров мира. Хембрехт, бесспорно, лучший из лучших, был Маэстро с большой буквы. Каждый музыкант, сидевший в тот вечер в лондонском «Альберт-холле», чувствовал, что ему выпала великая честь, поскольку быть вознесенным гением Петера Хембрехта, пусть даже на мгновение, означало играть в полную силу, сиять как звезда.

«Благодарю вас, Маэстро!»

«Великолепное исполнение, Маэстро!»

После концерта Петер, как обычно – охотно и любезно, – пожимал руки и раздавал автографы, затем надел теплое кашемировое пальто и отправился пешком домой, на Куинсгейт-стрит, что находилась в нескольких кварталах от концертного зала.

На следующее утро, в день публикации, он увидел фотографию. Старый друг прислал ее по электронной почте с припиской: «Решил, что тебе захочется это увидеть».

Это показалось Петеру очень странным. Кому в здравом уме захочется смотреть на фото утонувшего ребенка? Но, разумеется, друг имел в виду не ребенка, а лишь выжженное у него на теле клеймо, словно это животное или мясная туша. Петер содрогнулся, вообразив себе, какую боль, наверное, испытал бедный малыш.

Чуть позже позвонил его друг.

– Ты думаешь, Афина?..

– Нет.

– Но, Петер...

– Афина погибла.

Петер Хембрехт знал Афину Демитрис (тогда она носила эту фамилию) с самого детства и любил ее всю свою жизнь. Она была его лучшим другом, хранительницей тайн, заменяла сестру. В крохотной деревушке Органи, где они выросли, светловолосую синеглазую Афину обожали все. С другой стороны, темноволосый застенчивый, женоподобный Петер, единственный сын немца и гречанки, говоривший со странным акцентом и везде носивший с собой маленькую флейту, был изгоем и излюбленной жертвой местных озорников.

– Эй, немчура! – дразнили его. – Что ж юбочку не носишь, чтобы танцевать под свою голубую классическую муть? Хочешь, юбочку подарим? У моей сестренки можно позаимствовать.

– По-моему, ему и юбочку носить не надо: лучше флейту себе в задницу вставить. Тебе ведь это нравится, немчура?

Петер никогда не реагировал на их насмешки, зато Афина бросалась на обидчиков словно львица, пылая праведным гневом.

– Почему ты позволяешь им так с тобой обращаться? Надо дать сдачи! – пеняла она потом Петеру.

– Зачем? – лишь пожимал плечами тот.

– Они тебя голубым обзывают!

– Я и есть голубой.

– Нет! – протестовала Афина со слезами на глазах. – Нет, нет и нет! Не говори так. Ты бестолковый. Поймешь, когда мы поженимся, вот увидишь.

– Афина, мне не головой понимать нужно! – смеялся Петер.

Но остановить Афину было невозможно. Они поженились, когда им едва исполнилось по двадцать, и переехали в крохотную квартиру в Лондоне, где Петер прошел по конкурсу в Королевский колледж музыки.

– Ты ведь счастлив, да? – каждое утро спрашивала Афина, когда он в крохотной кухоньке склонялся над нотными тетрадами.

Петер признавал, что счастлив до полного блаженства. Хулиганы исчезли, он круглые сутки играл свою любимую музыку и возвращался домой к лучшему другу, самому волшебному, общительному и живому человеку из всех, кого он знал. Отказ от секса с мужчинами казался ничтожной ценой за все это.

Он стал еще счастливее, когда через несколько месяцев Афина забеременела их первенцем, мальчиком, и убежденно заявила:

– Назовем его Аполлоном, в честь бога – покровителя искусств.

Младенец был и правда красив, как божественный юноша с кифарой в руках, красив... все двадцать минут своей недолгой жизни.

Врожденный порок сердца, сказали врачи Афине. Но он совсем не страдал.

В тот день разбились сразу три сердца, и за всех страдала она, Афина. Позднее Петер понял, что девушка, которую он знал всю жизнь, умерла вместе с их сыном. Афина стала совсем

иной. Недели немного потрясения сменились месяцами глубокой депрессии. Отчаянно пытаюсь ей помочь, Петер перепробовал все: вытаскивал ужинать в ресторан и гулять в парк, водил по врачам, психоаналитикам и гипнотизерам. Он до сих пор помнил, как обрадовался, когда однажды вечером после очередного неудавшегося ужина, прошедшего в молчании, Афина посмотрела на него и вдруг сказала, что хотела бы съездить в Грецию.

– Есть одно место на острове Миконос, о котором мне рассказывала мама. Это крохотная деревушка между Калафарисом и Элией. Там лечат покоем по программам помощи выхода из депрессии. Это недешево...

– Неважно, – заверил ее Петер. – Поезжай. Обязательно поезжай. Деньги я найду, об этом не беспокойся.

Это была первая здравая мысль, которую Афина высказала за все время после смерти Аполлона, и Петер ухватился за нее словно утопающий за соломинку, поскольку не мог знать, что это начало конца.

Именно во время той поездки Афина встретила Спироса Петридиса, или, вернее сказать, во время острейшего кризиса подпала под его злодейские чары. Она написала Петеру два письма: странных, сухих и натянутых, совсем не похожих на ее стиль, – в которых призналась, что встретила другого человека, влюбилась и больше не вернется. Петер был геем, а она нуждалась в отношениях, выходивших за рамки платонических. Их брак все равно бы не выдержал испытания временем.

Лишь в самых последних строчках Петер услышал настоящий, подлинный голос Афины: «Каждый раз, когда смотрю на твое лицо, я вижу его личико. Такую боль я не в силах вынести».

И он не стал ей препятствовать. Это случилось тридцать лет назад. С тех пор Петер Хембрехт пережил не одну большую любовь, не говоря уже о том, что сделал головокружительную музыкальную карьеру, но Афины никогда не забывал. Все эти годы, пока ширилась ее известность и дурная слава ее мужа, Петер наблюдал за ней по телевизору, как ребенок изо дня в день смотрит мультик с любимым героем, точнее сказать – героями: за блестящей светской дамой и хозяйкой фешенебельного дома; за праведным посланцем доброй воли; за недоступной и недостижимой красавицей; за самой сексуальной женщиной, по версии журнала «Пипл», – но ни одна из них не была настоящей Афиной.

Ходили слухи о криминальных деяниях Спироса Петридиса, его многочисленных наемных убийцах, бандах наркодилеров и торговцев людьми, но ничего так и не удалось доказать. Ослепительное сияние и магия Афины, похоже, настолько затмевали взоры, что люди не замечали темных дел, которые в своем мире проворачивал ее муж.

Петер подозревал, что в слухах есть доля правды, но никогда не винил Афины – ни тогда, ни теперь. Как бы сильно она ни изменилась, он знал, что его Афина никогда не будет в ответе за смерть или страдания ребенка. Даже будь она жива, ничто в мире никак не связало бы ее с тем, что случилось с несчастным ливийским малышом, никак.

Но среди живых ее не было.

Она погибла, сгорела заживо вместе со своим мужем чудовищем.

Да упокоит Господь ее душу...

Ист-Хамптон, штат Нью-Йорк

– Вот черт!

Марк Радмейн прикрыл глаза от солнца и посмотрел на мяч для гольфа, который резко вильнул влево от одиннадцатой лунки, прежде чем с громким всплеском плюхнулся в озеро. Марк замер. Черт побери!

Чрезвычайно успешному, но беспринципному бизнесмену Радмейну было чуть за пятьдесят, хотя внешне он выглядел гораздо моложе. В сочетании с несколько по-солдатски жест-

кой манерой держаться его спортивная фигура помогала сохранять ореол едва сдерживаемого буйного нрава, постоянно сопровождавший его и вызывавший страх и у врагов, и у друзей. Марк Радмейн был не из тех, кому захочется перейти дорогу.

Сегодня он играл как любитель. Строго говоря, он и был любителем, но лишь потому, что не располагал временем, дабы выучиться профессиональной игре, а не из-за небрежности. Управление компанией, входившей в рейтинг пятисот крупнейших мировых корпораций, требовало полной отдачи. А еще Марк Радмейн, конечно же, никогда не забывал о другом своем поприще. Это был его долг, его крест, его призвание. И поприще это отнимало даже больше сил и времени. Особенно в такие дни, как сегодня.

Чтобы попытаться развеяться, он приехал на площадку для игры в гольф, но отвлечься не получалось. У Марка не шел из головы состоявшийся несколько часов назад разговор с Габриелем, одним из лучших сотрудников службы безопасности компании.

– Это она, сэр, – без обиняков доложил тот по телефону. – Она жива и хочет, чтобы мы об этом узнали.

– Это невозможно, – возразил Марк, словно произнесенные с нажимом слова могли убедить в их правдивости. – Мы же ее убили.

Потирая переносицу в попытках унять бушующую головную боль, он посмотрел в окно своего кабинета. Внизу распростерся Манхэттен, похожий на дивную мечту, на завоеванное им прекрасное королевство. Марку Радмейну досталось от отца скромное полиграфическое предприятие, но под его руководством оно превратилось в империю с многомиллиардным доходом. Просто невероятно, как трудное детство могло повлиять на амбиции человека и выработать в нем стремление добиваться успеха любой ценой. Успехи в бизнесе, однако, не значили для Марка Радмейна почти ничего по сравнению с тем, что он видел. Его «Группа» и проделанная ею под руководством Марка работа – вот реальность, только это и имело значение.

– Мы убили их обоих, – пробормотал он скорее самому себе, нежели подчиненному на другом конце провода.

– Возможно, нет, – возразил Габриель.

– «Возможно»? Вот только не надо! – взорвался Радмейн – Я лично там был и видел, как рухнул вертолет.

Большинство сотрудников «Группы» приходили в ужас от вспышек ярости шефа, чему были веские причины. Марку Радмейну не свойственно было сострадание и сочувствие: если месть в нем зарождалась, то была беспощадной, – но Габриель относился к тем немногим, кто никак не реагировал на гневные выволочки босса. Ничто не могло заставить его закрыть глаза на факты.

– Останки Афины Петридис ведь так и не были обнаружены, сэр.

У Марка Радмейна задергался уголок рта.

– Потому что все сгорело.

– А останки ее мужа нет, – возразил Габриель, – хотя они сидели в пилотской кабине бок о бок. Как вы это объясните?

– Не знаю, – неохотно сдался Радмейн, – но уверен, что она мертва. Все. Разговор окончен.

Он оборвал разговор, как истеричная дамочка, но у него не было ни сил, ни терпения выслушивать доводы своего агента по большей части потому, что и у него имелись сомнения. Как только увидел фотографию погибшего ребенка с меткой на пятке, Марк сразу понял, что Афина Петридис, эта сучка, эта ведьма, это неуязвимое чудовище, жива.

Марк Радмейн долгие годы ненавидел чету Петридис. В его сознании обидчики и убийцы детей занимали особое место. Ужасная тайна его детства, одно-единственное жуткое происшествие, превратившее его в того, кем он стал, и сделавшееся главной причиной его вступления

в «Группу», превратила огонь его ненависти в бушующее, безумное и смертоносное, пламя, которое не могла погасить ни одна из земных сил.

Но что, если Афине Петридис каким-то образом наперекор судьбе удалось выжить в катастрофе, где погиб ее муж? И вот теперь она где-то там, смеется над ними, и над ним в частности, из-за того, что дерзнул подумать, будто победил. Двенадцать лет она притворялась мертвой, внушая «Группе» и всему миру обманчивое ощущение безопасности, но теперь этой жуткой и страшной меткой в виде лямбды на теле изувеченного ребенка дала знать, что вернулась.

– Я привезу вам новые мячи, сэр, – настороженно посмотрел на хозяина ассистент.

Мистер Радмейн не привык проигрывать и обычно вымещал гнев на первом попавшемся под руку подчиненном, однако сегодня, к великому облегчению ассистента, выглядел до странного спокойным.

– Не надо, Генри: со старыми мячами все нормально. Просто нужно помнить, что они у меня есть.

– Сэр?

– А потом играть получше.

Закончив партию, Марк Радмейн расположился в салоне своего личного бизнес-джета «бомбардир челленджер» и сделал звонок, который откладывал с самого утра.

– Допустим, что ты прав, – начал он без предисловий.

– Сэр? – несколько обескураженно отозвался Габриель.

– Предположим, что она жива.

– Она жива, сэр.

– По твоим словам. Но какие у тебя доказательства?

– Пока никаких.

– Так найди их, если хочешь, чтобы я воспринимал твои слова всерьез, – распорядился Марк Радмейн и отключился.

Открыв дипломат, он снова посмотрел на фото погибшего мальчика. Имени нет. Лишь изувеченное детское тельце, выброшенное на берег словно морской мусор. Именно так Спирос Петридис обращался с бедными и беззащитными: как с никому не нужными отбросами, – а его жена дьяволица ему в этом помогала.

Ни у одного из правительств не хватило духу прижать Петридисов к ногтю и сделать то, что должно: искоренить зло, найти, где бы оно ни скрывалось, и уничтожить любой ценой, предоставили им, «Группе». Они действовали вне законов, вне границ, вне национальных интересов и невзирая на политические или религиозные принадлежности, рисковали так, как никто другой, и никогда не оставляли следов.

Убить Афину Петридис когда-то было для Марка Радмейна долгом, а теперь станет удовольствием.

Остров Сикинос, Греция

Сестра Магдалина, настоятельница монастыря Пресвятого Сердца Иисусова, наклонила седую голову и принялась молиться. Сумерки уже стусились, и в окнах построенной в византийском стиле часовни, затерянной в глубине пустынного острова, можно было видеть, как лучи закатного солнца, словно кровь, стекают в гладь моря.

«Прости мне прегрешения мои, – шептала пожилая монахиня, перебирая скованными артритом пальцами висевшие на шее четки. – Господи, наставь меня на путь истинный. Проведи меня сквозь тьму».

Почти все монахини в трапезной вкушали незатейливый ужин: томаты, оливки и виноградные листья, фаршированные вареным рисом, – но сестра Магдалина всегда в этот день, в годовщину послушничества сестры Елены, постилась.

Кроме нее в часовне была сестра Елена и прибывший с пастырским визитом отец Георгиу. По ту сторону выложенного камнем нефа, в небольшой средневековой исповедальне из резного дерева, сестра Елена получала причащение.

– Благослови меня, святой отец, ибо я грешила.

Настоятельница слышала лишь голоса: сначала певучее контральто сестры Елены, а затем густой баритон отца Георгиу, – хотя, разумеется, знала обряд наизусть.

– Назови грехи свои, дочь моя.

Какие вообще могут быть грехи у сестры Елены, этой доброй, нежной, бесконечно терпеливой души, у этой стоической и даже веселой страдальницы, перенесшей такие мучения, что сломили бы любого человека? Бедная сестра Елена так многого лишилась: молодости, красоты, семьи. Даже теперь, столько лет спустя, врачи утверждают, что она постоянно испытывает физические страдания. И вопреки всему, вера ее осталась столь же непоколебимой, сделавшись сияющим маяком надежды среди полной отчаяния темной ночи.

«Она должна быть нашей путеводной звездой, – в тысячный раз подумала сестра Магдалина. – Она, а не я». И тем не менее сестра Магдалина воспринимала это как Промысел Божий. Елена приплыла к ним на катере с острова Иос беспомощной беженкой, словно младенец Моисей в своей тростниковой корзине. И хоть она никогда не рассказывала, от чего или от кого спасалась, никто не сомневался в том, что она и вправду оказалась в безвыходном положении. Тогда она была слишком слаба, чтобы возглавить общину сестер, а теперь стала слишком смиренна, погружена в свою духовную жизнь, посвященную чистоте и жертвенности.

Сестра Елена вышла из исповедальни, увидела коленопреклоненную мать-настоятельницу и, почтительно поклонившись, поспешила к себе в келью для покаянной молитвы. Но могут ли слова молитвы и посты исправить давнее зло? Или зло нынешнее, если на то пошло? Прекрасная мысль! Добро и зло, существующие, словно числа в балансовом отчете, которые можно произвольно перемещать по кругу. Если бы так было на самом деле.

Уединившись в своей аскетической келье, она первым делом избавилась от одежды: тяжелой шерстяной ризы, пояса, наплечника, двух черных покрывал, одного белого и, наконец, белой камилавки, какие носили принявшие постриг монахини с острова Сикинос. Аккуратно сложив все это на кровать, она наконец вздохнула с облегчением: вечер выдался удушающе жарким.

В келье не было ни зеркала, ни прочих атрибутов гордыни, но вечером пятидесятилетняя монахиня ясно видела свое отражение в оконном стекле. Фигура ее все еще оставалась стройной, с полной высокой грудью и узкой талией, округленными бедрами и длинными, прекрасной формы ногами. Что касается тела, оно сохранило женскую красоту, да и лицо не избавилось от печати греха.

«Мое лицо – моя кара».

Но в жизни вообще много привлекательного и кроме внешности – например, власть.

Сунув руку в карман ризы, аккуратно сложенной на кровати, она вытащила газетный листок, который дал ей отец Георгиу, и развернула его медленными и изящными движениями пальцев. Газеты в монастыре были запрещены, как и прочие контакты с внешним миром. Через много лет увидев вверху страницы слово «Авги», сестра Елена испытала легкое волнение, но еще больший трепет у нее вызвал снимок: погибший ребенок, метка, чтобы видел весь мир!

Там их было много, детей и взрослых, заклеенных, как этот малыш, братьев и сестер, связанных огнем. И болью. Опустив руку вниз, сестра Елена провела пальцами по бороздкам клейма, выжженного когда-то у нее на внутренней поверхности бедра, прямо у вагины: буква «лямбда», такая же метка, как и у мальчика-мигранта. Какая же ирония судьбы: этот ребенок, безымянный беженец – то есть никто, – своей гибелью выставил их клейма напоказ всему миру благодаря появлению на первых страницах газет и в теленовостях.

«Да благословит тебя Господь, невинное дитя».

Сестра Елена разжала пальцы и, уронив листок на пол, поднесла ладони к лицу. Ощущение, которое она сейчас испытывала, казалось смутно знакомым.

И тут ее вдруг осенило...

Сестра Елена сделала то, о чем не помышляла больше десяти лет: улыбнулась.

Часть первая

Глава 1

Джим Ньюсом чувствовал, как между лопатками стекают струйки пота, а от пыли щиплет глаза, пока священник продолжал монотонно бормотать:

– Мими Прэгер... добрая христианка... хорошая соседка... снова в доме Господнем...

Под палящим солнцем было трудно сосредоточиться. Джим Ньюсом, гибкий поджарый старик лет семидесяти, с тонкими губами, прямой и подтянутый, как солдат, стоял рядом со своей располневшей женой Мэри, никак не выказывая своего состояния, хотя все в нем просто кипело. Кто в здравом уме устраивает отпевание и похороны на улице, в полдень, да еще и в разгар лета? В воздухе висело жаркое марево, от которого саднило в горле, а кожу покалывало, словно от ожога, как в пустыне. Вот только находились они не в пустыне, а в калифорнийской Райской долине, на ранчо семьи Прэгер, в оазисе с тучными зелеными лугами. По крайней мере, он был таким до наступления засухи, иссушившей русла рек и покрывшей поля растрескавшейся бурой коркой, похожей на старческую кожу.

– Собравшись развеять прах Мими над любимой ею землей... – Священник отхлебнул воды, протер пунцовое лицо и лоб платком. – Припомним же свои прегрешения...

Джим Ньюсом перестал слушать священника. Прегрешения фермера – его сугубо личное дело, а не какого-то попики-молокососа, едва выросшего из коротких штанишек. Джим вспомнит их, когда придет время.

Он принялся разглядывать собравшихся на поминальную службу у старого домика Мими – простого строения из сосновых стоек и балок, явившегося сюда словно из другого времени и даже другой эры. На похороны собралось больше тридцати человек, что неплохо, особенно учитывая, насколько замкнуто всегда держалась покойная. Много лет она жила здесь совершенно одна, за несколько километров до ближайшей автозаправки и за день ходьбы пешком до магазинчика на Проспект-роуд. Потом приехала девочка Элла, и несколько лет они жили вдвоем, бабушка и внучка, словно пионеры-поселенцы, один на один с миром. Однако дети растут, и когда Элла уехала в Сан-Франциско учиться в колледже, это событие чуть не свело бедную Мими в могилу.

Многие так и не простили девушку за этот поступок.

– Хватило же у нее духу объявиться здесь, доложу я тебе, – едко заметила жена Джима Мэри, глядя на Эллу Прэгер, о чем-то беседовавшую со священником перед началом панихиды.

В облегающем черном цельнокроеном платье и лакированных кожаных туфлях, со стянутыми в тугой хвост на затылке длинными светлыми волосами внучка Мими совсем не походила на неряшливую и чудаковатую девчушку-сорванца, которую помнили местные жители.

– Она вряд ли могла не приехать, – ответил Джим. – Родня все-таки, причем ближайшая. К тому же эта земля теперь ее.

– Ненадолго, – фыркнула Мэри Ньюсом. – Думаешь, захочется ей цепляться за это место, когда она вся из себя такая городская? Вот помани мое слово: она тут все продаст, как только кто-нибудь заинтересуется.

– Может, и так.

В глубине души Джим Ньюсом не судил Эллу Прэгер столь строго, как его жена или как остальные обитатели долины, если уж на то пошло. Наверняка расти только в компании старухи Мими было нелегко. Никакого телевизора. Никаких друзей. Никаких развлечений.

Неудивительно, что девушка какая-то странная. Замкнутая. Нервная. Подобная отрешенность в молодых людях, да и вообще в любом человеке, явный признак нездоровья.

Элла Прэгер приняла урну из взмокших рук священника и торжественно перенесла к подножию старого дуба. Бабушка любила это дерево. Иногда Элла видела, как та гладила его, любовно проводя морщинистой рукой по затвердевшей коре, словно ласкала собачку.

«Она проявляла к дубу больше любви, чем ко мне», – подумала Элла, но горечи или упрека в ее мыслях не было. Мими Прэгер была той, кем была: одиночкой, которая умела выжить в любых условиях, но выбрала жизнь в полном единении с природой. И внучку учила тому, что знала сама: как срубить дерево, починить крышу, построить лодку, разжечь костер, подстрелить кролика, разделать рыбу и почистить ружье, – а еще пыталась научить молиться. Старушка хоть и не проявляла любви, была сдержанна и молчалива, но сделала все, чтобы вырастить единственную дочь своего покойного сына, вынести бремя, о котором она никогда не просила.

Когда девочке было одиннадцать, к ним заглянула некая дама – из собеса, как теперь знала Элла, хотя тогда никто никому ничего не объяснял, – и после ее визита Мими неохотно разрешила внучке ходить в школу. До ближайшего городка, где она находилась, было час пути с тремя автобусными пересадками, а потом еще пешком по темной дороге. Вот тогда Элла впервые и увидела жизнь за пределами ранчо: узнала, что такое телевидение и Интернет, самая разная одежда и автомобили, поп-музыка, ресторанчики быстрого питания и люди, много людей. Элла смотрела на все это с неким отстраненным удивлением, словно попала в экзотический зоопарк, но принимать это не спешила, хотя в учебе добилась поразительных успехов. Учителя полагали, что девочка даже не пыталась адаптироваться. Элла приносила домой табеля с замечаниями «необщительная», «бесцеремонная» в сочетании с другими определениями: «одаренная», «незаурядная». Особенно хорошо Элле давались языки, включая компьютерные, а также новомодное «кодирование», которое очень высоко ценилось в калифорнийских колледжах.

К сожалению, бабушка Эллы неодобрительно относилась к компьютерам, хотя и непонятно почему, поэтому занятия программированием пришлось бросить. Учиться девочка продолжала на «отлично», при том что с навыками общения по-прежнему испытывала огромные трудности. Элла все больше замыкалась в себе из-за насмешек ровесников над ее старомодной одеждой и необщительным характером. Исключение составляли мальчишки, которые выстраивались в очередь переспать с ней, приведенные в восторг ее прозаическим и лишенным фантазии промискуитетом, проявившимся в ней в период полового созревания, и полным безразличием к понятию «репутация», столь важному для остальных старшекласниц. Элла жила в двух мирах: в мире школы и в мире ранчо Мими, – но полностью не вписывалась ни в тот ни в другой.

Элла поразились ужасу, с которым Мими восприняла известие о ее поступлении в университет в Беркли. Она полагала, что бабушка будет счастлива и станет гордиться достижениями внучки, но опять, похоже, не увидела лежавшего на поверхности.

– Я думала, ты обрадуешься, – обиженно проговорила Элла.

– С чего это, черт побери, ты взяла? – взвизгнула бабушка. – Тебе нельзя уезжать в город!

Ты мне здесь нужна.

– Но... ты же всегда хотела, чтобы я училась.

– Не для того, чтобы ты уехала! После всего, что я для тебя сделала...

– Тогда для чего?

– Для себя! – Мими стукнула сухоньким узловатым кулачком по грубо сколоченному кухонному столу, за которым они обе ели последние тринадцать лет. – Чтобы раскрыть данные тебе Богом способности, а не для того, чтобы ты сбежала в какой-то жуткий безбожный колледж и подвергла себя...

– Чему, бабушка? – выкрикнула в ответ Элла, выйдя из себя, что случилось очень редко. – Реальной жизни?

– Опасности, – ответила старуха, погрозив внучке пальцем. – Опасности!

Сжимая в руках керамическую урну, Элла припомнила этот разговор, словно был он вчера. Какой опасности так боялась бабушка и старалась оградить от нее внучку? Какая худшая, нежели медленная смерть от удушья в одиночестве здесь, на ранчо, посреди пустынных просторов, судьба могла постигнуть Эллу в городе, особенно в последние несколько лет, когда тут не упало ни капли дождя? Казалось, даже Бог отвернулся от них.

На мгновение обернувшись, чтобы взглянуть на собравшихся у склона холма, Элла принялась гадать, что они здесь делают. Почти все они были ей смутно знакомы: кого-то видела в местной лавке, кого-то в церкви, – но никого по-настоящему не знала, как не знали ее и они. Друзей у них с бабушкой не было. Возможно, именно поэтому Элла и не научилась общаться с окружающими так, как это, похоже, безо всяких усилий удавалось остальным. Вместо этого, как и Мими, она предпочитала говорить то, что думала, высказывала свое мнение или отвечала на вопросы с ошеломляющей честностью, из-за чего у нее часто случались неприятности.

Среди пришедших на похороны был человек, которого Элла не узнала. Он стоял в отдалении, одетый в темный костюм, глаза его скрывали зеркальные солнечные очки. За исключением самой Эллы он был единственным одетым «по-городскому» и своим видом разительно выделялся среди простых фермеров, как единорог в коровнике. Мужчина был высок и строен, а когда снял очки, Элла увидела его классически красивое загорелое лицо, словно сошедшее со страниц каталога мужской одежды, с выступающим волевым подбородком. На мгновение у нее мелькнуло, хорош ли он в постели, прежде чем она переключилась на вопрос, кто он такой и почему здесь. Может, это риелтор с предложением по покупке ранчо? Ей и в голову не пришло, что его появление на похоронах могут счесть неуместным или даже оскорбительным. Присутствие этого мужчины не вызвало у нее неприязни – только любопытство.

Отвинтив крышку урны, Элла заглянула внутрь – прах, вот и все, что осталось от ее бабушки. Даже закаленная и выдававшая виды Мими Прэгер не смогла победить в состязании со старостью. Теперь этот прах – все, что осталось от семьи Эллы. С чуть большей силой, нежели предполагала, она взмахнула рукой и развеяла прах по ветру.

Соседи Мими ахнули от столь вопиющего пренебрежения ритуалом. Элла ощутила их неодобрение, но предпочла не обращать внимания и, развернувшись, решительно зашагала в сторону домика, теперь принадлежавшего ей, с небрежно болтавшейся на плече сумочкой и урной в руке.

– Словно мусор выбросила, – прошептала Джиму Мэри Ньюсом, укоризненно качая головой.

Стоявшие поблизости соседи согласно зашептались:

– Бедная Мими! После всего, что она сделала для этой девочки...

– Ладно, перестаньте. Давайте не будем так скоропалительно судить. Горе по-разному влияет на людей, – напомнил им Джим Ньюсом. – Не забывайте, что у этой молодой леди никого не осталось.

Войдя в дом, Элла бросилась в ванную, закрылась изнутри и, усевшись на унитаз, обхватила голову руками. В висках стучало, и она, наклонившись вперед, принялась их массировать. О господи! Только не это... Не сейчас. Не здесь, когда вокруг столько народу...

Головная боль, с которой она проснулась сегодня утром, возвращалась, хотя, по счастью, не с такой силой. Утром, как часто в последнее время, шум в голове Эллы ревел так оглушительно, что она не могла подняться с постели, а когда наконец неуверенно встала на ноги, на нее навалилась такая дурнота, что она еле доковыляла до ванной своей крохотной квартирки, где ее буквально вывернуло наизнанку.

– Это опухоль мозга, – заявила она двумя неделями раньше врачу в его стильно обставленном кабинете бокового крыла больницы Святого Франциска. – Я прямо чувствую, как она растет.

– Это не опухоль мозга.

– Откуда вы знаете? – воскликнула Элла. – Как это вообще можно знать?

– Знаю, потому что я невролог, к тому же вы прошли обследование высокотехнологичными методами. Никакой опухоли у вас нет.

– Вы могли не заметить, ошиблись.

– Нет, уверяю вас, – рассмеялся врач, потом спросил, с любопытством взглянув на пациентку: – Мисс Прэгер, а вам что, хочется оказаться правой?

Элла на мгновение задумалась. С одной стороны, опухоль мозга – это плохо, можно умереть, а умирать она не хотела, а с другой – этим можно объяснить всю бредятину, что творится у нее в голове. Головные боли и рвота – это лишь вершина айсберга, а вот остальное, о чем Элла умолчала, не на шутку ее пугало: голоса, музыка, пронзительные пульсации, которые казались какими-то зашифрованными сообщениями. И продолжалось все это уже довольно долго, а если точнее – то столько, сколько Элла себя помнила. За последние месяцы ей сделалось намного хуже, поэтому пришлось обратиться к врачам. Но если у нее нет опухоли, значит, она спятила. Да, видимо, так...

– Вы не хотели бы поговорить со специалистом? – осторожно спросил врач, у которого веселость сменилась озабоченностью. – Возможно, с психологом? Зачастую описанные вами симптомы вызываются стрессом. Я мог бы направить вас...

Но Элла уже выбегала из кабинета, чтобы больше не возвращаться.

На следующий день умерла бабушка, мирно, во сне.

– Вы были близки? – спросил Боб, когда Элла поделилась с ним своим горем.

Этот скромный лысеющий мужчина средних лет, работник кофейни, что неподалеку от конторы, где трудилась Элла, был ей почти другом.

– Да, она была практически единственной моей родственницей. Родители давно умерли.

– Понимаю, но я не об этом. Вы были с ней близки эмоционально?

Элла отрешенно взглянула на него, не вполне понимая. Боб нравился ей, но казался странным. Он, очевидно, относился к ней так же, поскольку несколько месяцев назад, когда она предложила ему переспать, отказался, просто объяснив:

– Я женат, Элла.

– Одно другому не мешает: ведь тебе же нравится сам процесс?

Бобу ее вопрос показался забавным, и он рассмеялся:

– Ну да... Нравится.

– Так какая разница: она женщина, и я женщина...

– Женщина, – согласился Боб, – и очень красивая. Я польщен... в смысле ценю твоё предложение, но...

– Ты не хочешь иметь со мной сношение?

– Ну, во-первых, тебе для сведения: следует говорить «секс», а не «сношение», – а то похоже на термин из учебника биологии.

– Да, помню, – согласилась Элла.

Раньше ей такое уже говорили, но бабушка предпочитала называть вещи своими именами, а со старыми привычками расстаться очень нелегко.

– А во-вторых, я просто не хочу заниматься с тобой сексом. Я люблю свою жену, и меня вполне все устраивает с ней.

Элла в еще большем недоумении уставилась на него:

– Но она же там, а я здесь. Что такого?

– Да не будет у нас ничего! – не выдержал Боб. – Идейка не их лучших. А скажи... просто интересно: ты вот так обычно... в смысле спрашивала у парней, хотят ли они?.. Ну, ты понимаешь...

– Заняться со мной сексом? – с готовностью продолжила Элла, с удовольствием применив новое выражение и ничуть не смутившись.

Боб кивнул.

– Конечно.

– И как они реагировали?

– Они хотели, все, и женатые – тоже, ну, кроме гомиков.

– Понятно, – отозвался Боб, от смущения потирая глаза. – Знаешь, только лучше говорить «геи».

Хорошо, что его не слышит Мими: бабушка не относилась к продвинутым по этой части, – а то употребила бы словечко похлеще.

– Вообще-то я имела сношения... то есть занималась сексом со ста четырнадцатью мужчинами, – как бы между прочим и не без гордости сообщила Элла.

Боб вытаращил глаза.

– Со ста четырнадцатью? Ух ты, вот это... неслабо! Но хочешь дружеский совет? Не стоит делиться столь личной информацией, особенно с мужчинами.

– Но я же не со всеми, – улыбнулась Элла. – Только с тобой. Можно мне еще латте? С миндальным сиропом?

После этого разговора по непонятным Элле причинам Боб стал принимать самое активное участие в ее жизни. Именно он, в частности, объяснил, как нужно организовать похороны, и даже предложил отвезти на место, если ей нужна компания или кто-то, кому можно поплатиться в жилетку.

– Ты хочешь сказать, что мне нужно туда поехать? – удивленно спросила Элла.

– Непременно. Ты же ее ближайшая родственница, и она оставила тебе свое имущество, – объяснил Боб. – Кроме того, там тебя ожидают: похороны и все такое...

– Кто ожидает?

– Все.

– А именно?

Боб зашел с другой стороны:

– Твоей бабушке этого очень бы хотелось.

– Но ведь она же умерла...

– Пойми, Элла, она ведь тебя вырастила, и это твоя возможность сказать ей последнее «прости»...

Элла нахмурилась, словно ребенок, который никак не может взять в толк, чего от него хотят.

– Но разве можно что-то сказать мертвецу, Боб? Это же смешно.

И все же в конечном итоге Элла последовала советам друга, потому что он лучше разбирался в жизни: организовала церемонию, разместила объявление в местной газете, заказала доставку сандвичей и напитков, надела одолженное у жены Боба черное платье и внимательно выслушала его наставления, как себя вести: «Просто развей прах, а если не знаешь, что сказать присутствующим, говори: «Спасибо, что пришли». Так что Элла приехала сюда одна, несмотря на жуткую головную боль и необходимость прижиматься к обочине, чтобы вырвало, несмотря на грусть, что ей не выпало случая сказать последнее «прости» бабушке, которую любила. Она упустила эту возможность, как и в случае с родителями, а теперь оказалась совсем одна в этом мире, теряя рассудок, и у нее даже не было опухоли мозга, чтобы как-то все это объяснить. И вот она сидела в тесной ванной комнате с цитатами из Библии, висевшими в рамочках над раковиной, в доме, где выросла и чуть не умерла от одиночества.

«Если бы осталась здесь, то точно бы умерла: любой бы умер. Почему Мими не могла этого понять?» – раздумывала Элла, пока ее не прервал стук в дверь.

– Элла? – Это священник. Преподобный... Неважно. Элла больше не запомнила. – У тебя все хорошо, дорогая? Люди уже заходят в дом: уверен, что они хотят выразить тебе свои соболезнования.

Элла плеснула в лицо холодной водой, проглотила две таблетки обезболивающего, которые достала из лежавшего в сумочке пузырька, и, открыв дверь, проскользнула мимо священника. Пытаясь взглядом отыскать мужчину в костюме, она вышла на крыльцо: если он сделает ей предложение о продаже ранчо, она его рассмотрит, – но его нигде не было, ни на улице, ни у столов с едой, среди местных.

Боб оказался не прав: она совершила ошибку, приехав сюда. Может, Элла и не такая, как все, но не дура: взгляды людей – неодобрительные и враждебные, как в ту пору, когда еще росла, – она чувствовала.

Элла ничего из своей жизни до Мими не помнила, разве что какие-то ощущения: запах маминых духов, прохладное прикосновение ее руки, так отличавшееся от горячих, медвежьих объятий отца. Когда Элле было четыре года, родители отправили ее пожить у бабушки, а сами уехали работать за границу: предполагалось, что на несколько месяцев – но так и не вернулись, погибли в автокатастрофе. Все свое детство Элла провела здесь, в этой хижине, которая так и не стала домом. Ей не суждено больше оказаться там, где был этот самый дом, где ждали бы ее родители.

И вот тут она заметила его: мужчина в костюме, закрыв старые деревянные ворота, щелкнул кнопкой на ключах от машины – изящного двухдверного «лексуса», смотревшегося здесь еще более странно, чем он сам, если это вообще было возможно.

– Эй! – крикнула ему Элла с крыльца, но мужчина никак не отреагировал: ее голос, видимо, заглушил ветер. – Эй! Подождите!

Она припустила бегом в сторону ворот по склону холма мимо дуба с развеянным у него прахом Мими, но не успела одолеть и половины пути, как машина и мужчина за рулем скрылись из виду.

– Это ваш друг? – спросил Джим Ньюсом, кивнув в сторону отъехавшей машины, когда Элла вернулась в дом.

– Нет, – ответила она, все еще задыхаясь от быстрого бега.

К счастью, головная боль немного унялась, но мысль, что как минимум два часа придется играть роль хозяйки перед занудливыми соседями Мими, по-прежнему повергала ее в ужас. Слава богу, мистер Ньюсом казался не таким чинным, как остальные, особенно женщины.

– Вы знаете, кто это? – напирал старик.

– Нет, – покачала головой Элла. – Никогда его раньше не видела. А вы?

– Нет. – Джим уже щедро налил себе виски и протянул бокал Элле. – Выпить хотите? У вас, наверное, выдался нелегкий день.

Она пожала плечами, но от выпивки отказалась.

– Я стараюсь не употреблять алкоголь при посторонних. От него я становлюсь несдержанной, что... не всегда хорошо.

– Угу, – кивнул Джим.

– Когда я выпью, меня тянет заняться сексом, понимаете? – продолжила Элла. – Боб говорит, что мне надо постараться взять это под контроль.

Джим Ньюсом подавился виски, кашляя и фыркая: крепкий алкоголь обжег ему ноздри, – но глаза его смеялись. Если это говорит трезвая Элла, можно себе представить, что она вытворяет в пьяном виде. У бедной богобоязненной Мими наверняка ум за разум заходил, когда она растила эту сумасбродную девицу.

– Так и говорит, да? – хмыкнул Джим. – Ну, этот Боб, похоже, неплохой парень.

К ним своей утиной походкой подошла жена Джима Мэри и манерно протянула Элле руку.

– Здравствуй, милочка. Вот пришла сказать, что искренне соболезную: такое горе...

Элла с любопытством посмотрела на Мэри Ньюсом, которая, она знала, ее ненавидела: это было очевидно, – и тем не менее проявляла доброту. Порой люди вели себя так, что Элла отказывалась их понимать.

– Вот возьмите. Это алкогольный напиток. – Не зная, что делать дальше, Элла силой вложила предложенный ей Джимом Ньюсоном бокал в руку его жены, затем, вспомнив совет Боба, улыбнулась и добавила: – Спасибо, что пришли.

Мэри Ньюсон ошарашенно смотрела вслед удалявшейся от них девушке, а широкие плечи ее мужа тряслись от смеха.

Глава 2

Когда Элла проснулась на следующее утро, голова у нее опять болела, но уже иначе: как если в одиночку выпьешь полбутылки виски, после того как уйдут гости, курьеры из доставки и священники, а потом, не раздеваясь, заснешь мертвым сном на детской кровати.

Первое, что она увидела, безжалостный яркий свет, что бил во все окна. Бабушка терпеть не могла шторы и ставни. «Здоровый человек встает с первым лучом солнца» – была одна из ее любимых присказок. Многие перлы мудрости Мими Прэгер начинались со слов «здоровый человек». Большинство этих изречений представляли собой вариации на темы трудолюбия, набожности и самодостаточности.

«Здоровый человек никогда не позволяет другим делать за него то, что он может сделать сам».

«Здоровый человек держит в чистоте оружие, обувь и ум».

Элла давно уяснила, что не является «здоровым человеком», по крайней мере от природы. Ей приходилось работать над собой, и она работала, чтобы ублажить бабушку, а еще потому, что, сказать по правде, больше нечем было заняться. Охота, забота о птице, плотницкое дело и вообще любая работа руками заменили Элле игры. Она научилась всему этому, потому что не было альтернативы, и за долгие годы так поднатерела в подобных делах, что Мими ею очень гордилась.

«Ты только погляди! – говаривала бабушка со скупой улыбкой, глядя, как восьмилетняя девчушка попадает в кролика с двухсот метров. – Никто в округе Сан-Хоакин не стреляет лучше тебя, моя дорогая».

Как-то раз, когда Элла лазила по камням над одним из их любимых рыбных мест, Мими сказала, что она проворна, как горная козочка. Это было одно из счастливейших мгновений в жизни Эллы, и слова эти пролились как бальзам на душу. Похвалы бабушки были скупы, их еще требовалось заслужить, но для девочки значили очень многое, потому что Мими была всем в ее жизни. И наоборот.

В те времена между ними царила глубокая привязанность, если не любовь.

Что же случилось?

Кое-как выбравшись из кровати, Элла нетвердыми шагами добралась до ванной (которую обустроили, когда ей исполнилось двенадцать лет: водопровод стал еще одной неохотной уступкой социальным службам) и сердито плеснула себе в лицо ледяной водой, словно могла смыть печаль и тоску. Между Эллой Прэгер и ее бабушкой осталось очень много недосказанного, но теперь было уже слишком поздно. Растраченные попусту мысли и чувства потихоньку стекали в никуда, словно вода из крана, который забыли закрыть.

«Здоровый человек никогда не транжирит Божью воду...»

Стянув измятое черное платье и нижнее белье, Элла вытащила из волос спутавшуюся ленту и встала под холодный душ, ахая, когда струи воды впивались ей в кожу словно крохотные пульки. У нее была хорошая фигура, стройная и спортивная, высокая округлая грудь, которая словно уравнивала по-мальчишески узкие бедра. Ее темно-русые волосы оставались не по-модному длинными, в старом стиле, от которого она почему-то не хотела отказываться, но больше всего внимание привлекало ее лицо. Она была очень красива, хотя и несколько эксцентричной красотой: зеленые, широко посаженные глаза в состоянии покоя придавали лицу выражение отстраненности, а высокие скулы и острый подбородок добавляли Элле сходства с кошкой. После падения в детстве с яблони у Эллы на переносице осталась небольшая горбинка, отчего ее лицо выглядело не вполне симметричным и не могло бы считаться по-киношному красивым. Эллу Прэгер можно было бы назвать скорее яркой, а еще, несомненно, сексуальной, если высказывать отношение к женщинам столь прямолинейно, что иные приходят в ужас.

Переодевшись (она привезла с собой всего один комплект одежды, чтобы помнить, что она не собирается здесь задерживаться надолго), Элла приготовила завтрак из найденных в кладовке консервированных бобов и вяленого бекона, поела, потом выпила две чашки кофе с разведенным и подогретым на плите сухим молоком, затем высмотрела тенистое местечко на крыльце, проглотила оставшиеся обезболивающие таблетки, что походило на тушение низового пожара водяным пистолетом, и неподвижно просидела целый час, пока головная боль не сделалась почти терпимой.

Немного придя в себя, Элла начала мысленно прокручивать список дел. Если поднажать – как здоровый человек, – то, вполне возможно, она быстро здесь со всем управится и вернется в город завтра, самое позднее – послезавтра. До этого, как ей напомнил Боб, нужно уладить формальности в крематории, а самое главное – навести порядок в домике, упаковать личные или ценные вещи, которые она заберет с собой, все остальное сложить в коробки и провести генеральную уборку, чтобы можно было запереть дом и оставить его в таком виде, пока она не решит, что с ним делать дальше.

Вчерашнее появление странного человека в костюме почти убедило Эллу продать ранчо. А он, наверное, даже и риелтором не был! В любом случае, она была уверена, разбор вещей бабушки не займет много времени: у Мими Прэгер, аскета и минималистки до мозга костей, было всего три платья (два для церкви, одно на каждый день), две пары брюк (зимние и летние), два штопанных-перештопанных свитера и комбинезон, в котором ее кремировали. Единственной книгой в доме была Библия, и, кроме ружей, рыболовных снастей, шахматной доски с фигурами и нескольких предметов «фамильного» фарфора, Элле практически нечего было вывозить. Единственную ценность, свадебную фотографию Уильяма и Рейчел, родителей Эллы, стоявшую у кровати Мими, она давным-давно забрала и поставила в своей квартире в Сан-Франциско.

Фотография эта стала причиной одного из самых жутких скандалов, что случались между бабушкой и внучкой. Наутро после выпускной церемонии в колледже Элла приехала в домик, чтобы попытаться переговорить с Мими, но старуха чувствовала себя уязвленной и реагировала гневно и неадекватно, не хотела разговаривать с внучкой, не желала ее слушать. Когда Элла попросила отдать фотографию, Мими отказалась и злобно прошипела:

– Она тебе не принадлежит! – Ее высохшее лицо превратилось в маску ярости. – Нельзя просто так приходить и брать что хочется.

– Но это же мои родители! – выкрикнула Элла в ответ. – А эта фотография – единственная ниточка, которая связывает меня с ними. Все остальное ты уничтожила.

Мими закатила глаза.

– Ты ведь сейчас не об одежде говоришь, а?

Элла впиалась ногтями в ладони так, что выступила кровь. Это было единственное, за что она с течением лет так и не смогла простить бабушку. Однажды, когда Элла была в школе, из ее комнаты исчез чемодан, который собрала мама, когда привезла ее, четырехлетнюю девочку, пожить у бабушки. В нем лежали детские вещи, игрушки и одеяло, которое, как помнилось Элле, все еще хранило мамин запах. Она спросила, где чемодан, а Мими небрежно ответила, что избавилась от него (сожгла его содержимое, как выяснилось позже), потому что настало время смотреть вперед, а не оглядываться назад. Эта одежда, несколько вещей, любовно собранных мамой, верившей, что покидает дочь всего на несколько недель, была для Эллы единственной осязаемой нитью, связывавшей ее с родителями. А Мими ни с того ни с сего взяла и все сожгла: без разрешения и, казалось, без единой мысли о чувствах внучки. Похоже, сделано все было в гневе, хотя ни тогда, ни потом Элла так и не поняла, чем он мог быть вызван.

– Я забираю фотографию. – Элла бросила на бабушку испепеляющий взгляд. – И попробуй мне что-нибудь сделать!

Прошагав, словно амазонка, в комнату Мими, она схватила стоявшее на комодѣ фото в рамочке. Бабка ринулась следом, беспомощно размахивая худыми руками и визжа, словно попавший в капкан зверек. Когда она попыталась вырвать у нее из рук драгоценный предмет, к своему стыду, Элла с силой оттолкнула старуху, вложив в это движение копившуюся в ней долгими годами злобу, вихрем бросилась к машине и понеслась обратно в Беркли, ни разу не оглянувшись.

Об этой ссоре больше никто и никогда не упоминал. Что же до сожжения Мими детских вещей, инцидент предали забвению, похоронили, но в глубине души Элла продолжала все помнить.

Здоровый человек выполняет работу методично, от начала до конца. Элла разобрала вещи, упаковала, вымыла и выскоблила домик сверху донизу: сперва кухню, потом гостиную, крохотную ванную и свою маленькую спальню, вмещавшую убиравшуюся в стену кровать, деревянный стул и обрезанную обшивную доску, служившую ей письменным столом. Она с удивлением обнаружила, что в процессе уборки ее настроение улучшилось, приятная усталость породили умиротворение, прогнавшее назойливые воспоминания об одиночестве и боли. Подняв полосатый половичок, чтобы выбить из него пыль, Элла легонько нажала на чуть слабее пригнанную половицу, под которой размещался тайничок, куда, будучи подростком, прятала такие запрещенные предметы, как транзистор (Мими строго-настрого запрещала все технические новшества независимо от того, когда они были изобретены), бульварные любовные романы из школьной библиотеки (в основном книжки Джеки Коллинз с загнутыми на самых пикантных местах страницами), маленькую косметичку и зеркальце. Позже к ним добавились противозачаточные пилюли и маленькие бутылочки кокосового ликера, которые Джейкоб Листер, чьи родители держали продуктовую лавку, давал ей в обмен за возможность пощупать ее голые груди, что Элла считала беспроегрышным вариантом: ты – мне, я – тебе. Половица подалась легко, и хотя внутри давным-давно было пусто, на Эллу нахлынули ностальгические чувства, что об этой «фиге в кармане» так никто и не узнал.

К четырем часам весь домишко за исключением чердака был приведен в порядок и сверкал. Урчание в животе напомнило, что с самого утра она ничего не ела. В кладовке остались только консервы, так что Элла положила себе в тарелку колбасный фарш, за которым последовала банка персиков и сгущенное молоко. Обед оказался на удивление вкусным. Воодушевленная и окрыленная достигнутыми успехами – она явно сможет завтра закрыть дом и вернуться в город, – Элла по заменявшему лестницу судовому трапу поднялась на чердак, одновременно служивший спальней Мими.

Впервые за весь день она остановилась. Здесь, где наволочка еще хранила запах Мими, а шаль свисала со спинки стула, Элла осознала весь масштаб произошедшего. «Я выскребаю свое детство. Пакую в коробки жизнь Мими и большую часть своей. Навсегда». Элла ждала, что ее охватит грусть: грусть, о которой читала, о которой ей говорили, – но вместо нее почувствовала нечто иное, ужасное: какую-то радость, злобную, дерзкую, бьющую через край, радость уцелевшей. Она накрыла Эллу словно волна, подбросила вверх, наполнила смехом: ей невыносимо захотелось бить, пинать и громить все вокруг, испытывая от этого облегчение. Сама не понимая, что делает, она схватила флакон с чистящей жидкостью и изо всех сил швырнула его об стену. Пластик лопнул, и отбеливатель с ароматом лаванды густо забрызгал все в радиусе полутора метров.

Расхохотавшись еще сильнее, Элла схватила бабушкину палку из прочного дуба и начала размахивать ею, словно обезумевший ниндзя, колотить по полу и стенам. Наконец, запрыгнув на бабушкин чемодан, она с силой ткнула палкой в потолок. Почти вся крыша была сложена из обструганных бревен, так что эти удары не причинили ей ни малейшего вреда, но один отштукатуренный кусочек прямо над изголовьем кровати, как ей показалось, прямо напрашивался на удар. Визжа от восторга, она широко размахнулась и ударила палкой по штукатурке,

как битой по бейсбольному мячу. Сверху посыпалась белая пыль и какие-то ошметки, усеяли стеганое покрывало и застряли у Эллы в волосах. Упав на кровать, она еще смеялась, когда неожиданно сверху посыпались остатки штукатурки, а за ними рухнул массивный железный ящик. Он вывалился из проделанной ею дыры и приземлился в нескольких миллиметрах от головы Эллы.

– Господи!

Элла добрую минуту таращилась на лежавший рядом с ней ящик. Несостоявшаяся смерть мгновенно отрезвила ее, и она подумала: «Если бы я погибла, сколько бы времени прошло, прежде чем кто-то меня нашел? Пара недель? Месяц?» Сбитая с толку истерическим припадком, Элла быстро переключилась на лежавший рядом ящик. Мими явно его прятала. И не просто прятала, а соорудила подвесной потолок, чтобы укрыть понадежнее. Это должно означать, что внутри что-то по-настоящему ценное или тайное, а может, и то и другое. Элла даже не представляла, что могла прятать бабушка. «Здоровый человек честен и открыт. От Господа ничего не скроешь». Стоило человеку умереть, и о нем узнаешь такое, о чем и подумать не могла.

Элла нерешительно провела пальцем по замочку. Возможно, там хранятся любовные письма от давно умершего мужа Мими Билла? Или от кого-то еще – от тайного возлюбленного например? При этой мысли Элла улыбнулась. Будет отрадно узнать, что и ее бабушка не без греха, хотя представить себе что-либо подобное непросто. Что бы там ни содержалось, Элла знала, что, как только откроет ящик, тайна Мими раскроется. Поворачивать назад слишком поздно. Глубоко вдохнув, оценив важность момента, она подняла крышку.

Письма! Она была права!

Сложенные пополам и вчетверо, торчавшие из вскрытых конвертов, все они были любовно обвязаны клетчатой ленточкой. Похоже, на дне ящика лежали еще и открытки: под выцветшими и пожелтевшими бумагами поблескивали цветные пятна.

Элла осторожно вытащила пачку писем и, положив на кровать, чуть потянула за хвостик, развязала ленточку, взяла в руки лежавшее сверху и как можно аккуратнее развернула его.

«Дорогая мама...» – начиналось оно.

У Эллы тотчас перехватило дыхание. Это письмо от ее отца!

«Я больше не хочу с тобой спорить. Знаю, что ты не одобряешь нашу с Рейчел работу. Но не все видят мир так же, как ты. То, что мы делаем, очень важно, и не только для нас, но и для всего мира. Тебе кажется, что ложью ты защищаешь Эллу, но это не так. Это жестоко и несправедливо. Пожалуйста, мама – пусть не ради меня, так хоть ради нее, – скажи ей правду. Дай Элле наши письма. Сейчас она ничего не понимает, но когда-нибудь все поймет. Твой любящий сын Уильям».

У Эллы задрожали руки. Она дважды, трижды перечитала письмо отца, пытаясь хоть что-то понять из загадочных нескольких строк. Что он имел в виду, когда написал, что Мими не одобряла их с матерью работу? Родители Эллы были врачами. Как можно не одобрять их работу? Они лечили бедняков в Индии, когда в их такси лоб в лоб врезался грузовик, в результате чего оба погибли на месте.

И какой ложью ее защищала бабушка?

Но самое важное – что это за письма, о которых упомянул ее отец? Действительно ли родители их ей писали? Если так, то Мими наверняка бы их сохранила, не уничтожила бы, как чемодан с ее детскими вещами.

Элла лихорадочно стала перебирать письма и разворачивать, выискивая свое имя.

«Дорогая мама...» – начиналось следующее письмо. Потом еще одно и еще. «Дорогая мама...», «Дорогая мама...», «Дорогая мама...» И вот наконец: «Дорогая моя Элла...»

Элла любовно водила пальцем по бумаге, словно перед ней был Святой Грааль, нарочито подолгу задерживаясь на каждой букве:

«Надеюсь, ты здорова и в меру сил помогаешь бабушке на ранчо. Знаю, что скучаешь по нам, и мы по тебе очень-очень скучаем. Хотелось бы объяснить гораздо больше, но теперь тебе совсем не безопасно быть рядом со мной и мамой. Когда-нибудь, надеюсь, все образуется. Но пока что знай, что ты всегда-всегда в наших сердцах. Твой вечно любящий папа».

Глаза Эллы наполнились слезами. Почему Мими не дала ей это письмо? Ведь знала же, как бы это много значило для нее...

Адреса сверху не было, но стояла дата: 2 сентября 2000 года.

У Эллы перехватило дыхание: «Не может быть! Через два года после их гибели...»

Она снова посмотрела на дату, словно в трансе, потом запустила руку на дно ящика и вытащила открытки. Восемь штук: четыре на Рождество и четыре на день рождения. С дрожащими руками и не веря своим глазам, прочла их все.

«С шестым днем рождения!»

«Вот тебе и СЕМЬ!»

Мультик в цилиндре держал шарик с надписью: «Самой классной в мире восьмилетней».

Все открытки были подписаны: «С любовью, мама и папа».

– Нет, – вслух произнесла Элла.

«Нет, не показала бы. Не смогла бы! Она говорила мне, что они погибли, когда мне было пять лет».

Элла почувствовала, что задыхается. Внезапно закружилась голова, ее затошнило, из груди вырвались хрипы... Она сползла на край бабушкиной кровати, нагнулась вперед и опустила голову между коленями.

Вдох. Выдох.

«Говорила, что погибли. Она мне врала!»

Элла встала, села, опять встала – явное проявление неуверенности. Снова разболелась голова, ее начало распирает изнутри, словно какое-то злое существо принялось надувать огромный воздушный шар. На этот раз не было ни голосов, ни шума – странно, но эти симптомы, похоже, не проявлялись здесь, только в городе, хотя ощущение при этом было одуряющее. Ей нужно было прочесть остальные письма, но это стало невозможно. Комната завертелась и поплыла перед глазами.

«Мне нужен врач», – подумала Элла, когда от головной боли опустилась на колени и почувствовала, как медленно теряет сознание. Здесь не было телефона, а мобильная связь и вовсе отсутствовала. Если бы она согласилась на предложение Боба и взяла его с собой, то он смог бы поехать за подмогой.

Перед тем как провалиться в бездну, она успела подумать: какая же ирония судьбы умереть как раз тогда, когда узнала, что ее родители вовсе не погибли. И как Мими посмела умереть, ничего ей не объяснив...

Глава 3

Гэри Ларсон скрестил толстые ножки и откинулся на спинку кресла с выражением скорби на лице.

– Сожалею, Элла, но мне придется вас уволить.

Два года назад Гэри волей случая оказался в кресле генерального директора «Байоджен медиал ресерч», когда его друг Марти Грубер, основатель компании и первый ее гендиректор, разбился насмерть во время катания на сноуборде в окрестностях озера Тахо. Все любили Марти, энергичного бизнесмена, типичного «миллениала», обожавшего рисковать и открывать новые горизонты. И никто не любил Гэри, его сластолюбивого и бесталанного лучшего друга, который еще со школьных времен всегда примазывался к успеху Марти. Удача, похоже, не всегда сопутствует смелым: случается, благоволит она толстым, наглым и трусоватым, оставляя смельчаков умирать от удушья под тоннами внезапно сошедшей снежной лавины.

– Ваше ничем не объясненное отсутствие на работе вошло в систему, которая обременяет нашу компанию, – с важным видом заявил Элле Гэри.

После похорон Мими прошло больше недели, но лишь сегодня она почувствовала себя вполне сносно, чтобы вернуться к скучной рутине обработки чисел в отделе статистики.

– Хорошо, – кивнула Элла, встала и направилась к двери.

Гэри Ларсон нахмурился и крикнул ей вслед:

– Подождите!

Элла, похоже, никак не отреагировала на его начальственный тон. Даже теперь, когда он вышвыривал ее на улицу, эта сучка не снизошла до того, чтобы проявить хоть какие-то эмоции. Он втайне рассчитывал увидеть слезы и услышать мольбы, представлял себе Эллу на коленях с выражением отчаяния на ее необычайно красивом лице: «Прошу вас, мистер Ларсон! Мне очень нужна эта работа. Сделаю все, что захотите!» А она уходит из кабинета и из его жизни, расстроившись не больше, чем если бы ей сказали, что расписание автобусов немного изменилось.

– Прошу вас, присядьте. – Он плавным и величественным жестом указал на стул, с которого Элла только что встала. – Тут нет ничего личного, вы же понимаете. Вы всегда мне нравились.

– Знаю, – ответила Элла, продолжая стоять.

Гэри смягчился. Возможно, он поторопился? Она, конечно же, девушка весьма оригинальная, и с коллегами плохо сходится, но статистик она блестящий, да и работник прекрасный, когда соизволяет появиться в офисе. И, разумеется, такое тело...

– Вы хотели со мной переспать с первого дня, как я начала тут работать.

– С чего вы взяли? – залился краской Гэри.

– В самый первый день вы схватили меня за ягодицы, – напомнила Элла, для наглядности изобразив руками его движения.

– Не может быть! – выпалил Гэри.

– Но я-то помню, – спокойно сказала Элла. – И еще, когда я обедала в столовой, вы подсаживались ко мне и терлись ногами о мои ноги.

– Элла, уверяю вас...

– К тому же вы постоянно отпускаете мне комплименты касательно моей внешности, – продолжала Элла, – которые являются общеизвестными признаками полового влечения.

Лицо генерального директора порозовело, покраснело, побагровело.

– Послушайте, не надо усугублять...

Элла несколько растерялась: что значит «усугублять»?

– Вы разбрасываетесь довольно серьезными обвинениями. Прошу прощения, но вы просто неверно поняли некоторые мои знаки внимания как руководителя...

– Не надо извиняться, – отмахнулась Элла по-прежнему доводившим Гэри до исступления ровным тоном. – Все правильно я поняла, просто не обращала внимания, потому что не нашла вас привлекательным. До свидания.

Гэри открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл, словно выброшенная на берег рыба. Это угроза? Или оскорбление? Или это просто Элла Прэгер такая прямолинейная, что обескураживает?

Она вышла из его кабинета, и на этот раз Гэри Ларсон все-таки решил ее уволить. Как только она ушла, он ослабил галстук, который внезапно стал его душить, и, позвонив в отдел кадров, прорычал:

– Проследите, чтобы Элле Прэгер выписали приличное выходное пособие, а когда она его получит, заставьте подписать обязательство, что никаких претензий к компании не имеет.

– Конечно, сэр. Вот вы сказали «приличное»...

– Дайте ей столько, сколько попросит, – выпалил Гэри. – Лишь бы от нее избавиться.

Норико Адачи потягивала воду со льдом и внимательно слушала сидевшего напротив мужчину.

Его звонок прошлым вечером был неожиданным, но обнадеживающим. Профессор Адачи по-прежнему не имела представления, как этот совершенно незнакомый ей человек узнал, что она в Нью-Йорке, не говоря уж о названии гостиницы, где остановилась, в каком номере, а также о мельчайших подробностях программы ее пребывания. Семинар по феминистской литературе начала девятнадцатого века едва ли мог считаться громким событием, особенно для тех, кто не принадлежал к миру науки. И все же этот холеный эрудированный американский бизнесмен по имени Марк Радмейн (миллиардер согласно «Гуглу»), похоже, знал о ней почти все.

В других обстоятельствах Норико тотчас оборвала бы разговор: ей очень не понравилось, что за ней следят, – однако, как только прозвучала фамилия Петридис, обратилась в слух.

– Позвольте выразить вам искренние соболезнования, профессор, – начал Радмейн, как только они с Норико сели за угловой столик в бруклинском ресторане «Финч». – Нам известно, что ваш сын Кико был прекрасным молодым человеком.

– Спасибо. Именно так.

Очень странно, что он сказал «нам» вместо «мне». Вчера вечером по телефону он изъяснялся точно так же. Норико гадала, от чьего еще имени он говорит.

– Пятнадцать лет прошло, не так ли?

– Совершенно верно.

Помимо воли у Норико на глаза навернулись слезы. Как давно никто не говорил с ней о Кико. Одно его имя вызвало бурю воспоминаний.

– Но все было будто вчера?

– Да. – Норико откашлялась. – Было нелегко дать ему упокоиться с миром, зная, что его убийц так и не призывали к ответу. Хуже того, их восхваляли. Ими весь мир восхищался.

У нее задержался подбородок, она принялась судорожно мять в руках салфетку, словно собиралась свернуть шею курице.

– Поверьте, я вас понимаю, – отозвался Радмейн. – Моя «Группа», организация, которую я возглавляю, занимается Петридисами давно, десятки лет. О, мы пытались заставить власти начать расследование. Обращались в правительство, международные агентства, местную полицию, но никто не воспринимал нас всерьез. В конечном итоге нам пришлось взять дело в свои руки.

Норико зачарованно слушала, потом спросила:

– В каком смысле – «взять дело в свои руки»? А... поняла: авария вертолета. – Норико понизила голос до шепота: – Так это были вы?

– Да, мы, – кивнул Радмейн.

Когда принесли блюда, он туманно и в самых общих чертах рассказал, чем занимается его «Группа», и Норико заключила, что это некое тайное общество поборников справедливости – хорошо организованное и щедро финансируемое, если отталкиваться от данных о Марке Радмейне, – которое борется с преступниками, по какой-либо причине покрываемыми политиками и недоступными для полиции. Возможно, она бы внимательнее выслушала и подробности, но мысли ее вертелись вокруг Петридисов. Наконец-то появился человек, который не только поверил в ее рассказ о Кико и совершенном Спиросом и Афиной злодеянии, но и принял какие-то реальные действия! Эта мысль заставляла биться сердце быстрее.

– Я читал вашу статью для «Ньюсуик», – сказал Радмейн. – Вы в очень многом оказались правы: чувствовалось, как со страниц льется боль.

– Да, то было тяжелое время, – призналась Норико, слишком поглощенная воспоминаниями, чтобы спросить, как он разыскал и прочел статью, которая никогда и нигде не публиковалась. – После катастрофы на какое-то время стало легче. Я начала отходить. Но потом...

– Потом вот это, верно? – Марк Радмейн тихонько толкнул по столу отсканированную с высоким разрешением фотографию утонувшего мальчишки-мигранта. На пятке четко различалась лямбда.

Норико закусила губу и ущипнула себя за переносицу, чтобы ни в коем случае не заплакать.

– Да.

– Не представляю, сколько боли вам доставило это фото, – произнес Радмейн.

Норико отвела взгляд, посмотрела на оживленную улицу за окном и прошептала:

– Она жива.

– Похоже, что да.

– Но как... как она выжила в той катастрофе?

– Пока не знаем, – признался Радмейн. – Сейчас нам многое непонятно, но мы непременно все раз узнаем. Если Афина Петридис все-таки жива, мы найдем ее и призовем к ответу. Даю вам слово.

Норико бросила на него резкий взгляд.

– Вы ищете справедливости? Или возмездия?

– А есть ли разница? – Радмейн чуть склонил голову. – Можем назвать это возмездием. Праведным возмездием.

Оба некоторое время молчали, и Радмейн начал было гадать, достаточно ли приложил усилий, но тут профессор Норико Адачи повернулась к нему и сказала именно то, чего он ждал:

– Я хочу вам помочь, мистер Радмейн. Пожалуйста, расскажите поподробнее о вашей «Группе».

А в Сан-Франциско Элла испытывала нараставшее чувство тревоги. В действительности она восприняла потерю работы с гораздо меньшим оптимизмом, нежели продемонстрировала в кабинете теперь уже бывшего шефа. Шагая после их разговора домой, в маленькую квартирку на Филлмор-стрит, она старалась обуздать охватывавшую ее панику. И что теперь?

После недели, когда днем бегала по врачам, чтобы выслушать различные мнения по поводу обморока (все одинаково неутешительные: «С точки зрения соматической никаких нарушений нет, мисс Прэгер, но может присутствовать психологический фактор»), а по вечерам у себя в квартире читала и перечитывала письма, Элла вымоталась и физически, и эмоционально.

Да, работа в сфере медицинских исследований была скучной, а неумелые каждодневные подкаты раздражали, деньги там платили небольшие, но она обеспечивала Элле постоянство и

стабильность, нечто осязаемое, за что можно ухватиться. Сейчас ей это было нужно, как никогда раньше. События последних трех недель совершенно выбили ее из колеи – смерть Мими, поездка на ранчо, связанная с похоронами, найденные письма и плюс ко всему сделавшиеся совершенно невыносимыми головные боли.

Боб из кофейни помог ей попытаться хотя бы понять, что же содержится в этих письмах, и посоветовал:

– Я бы не спешил с выводами. Ты же не знаешь, какие у твоей бабушки были мотивы скрывать от тебя правду. Там масса недостающих звеньев.

Элла посмотрела на него с тоской.

– Дело не только в Мими. Если мои родители живы, то почему не вернулись за мной?

Боб обнял ее. Для человека с резким, а иногда и взрывным, характером Элла могла быть глубоко ранимой, почти как ребенок.

– Не знаю, дорогая.

– Как они могли оставить меня там навсегда? И почему перестали писать? Последнее письмо отправлено в тот год, когда мне исполнилось восемь. Ты думаешь, это потому, что я так и не ответила? Думаешь, они решили, что я их не люблю?

– Нет, – резко ответил Боб. – Уверен, что все не так. Прочти внимательно письма отца к бабушке. Он знал, что она прячет от тебя их письма, знал, что наврала про автокатастрофу.

– А почему только он мне писал? – сердито спросила Элла. – А как же мама? Где она была все эти годы? И где теперь?

– Ты задаешь правильные вопросы. Но единственный способ хоть что-то узнать – это самой докопаться до правды. Мне кажется, что перво-наперво нужно выяснить, живы ли они.

Как всегда, Боб проявил свои лучшие качества, и в частности практичность. Элла жалела, что не обладает его способностью разбивать проблему на поддающиеся решению фрагменты. И он прав – ей действительно нужно хорошенько взяться за дело и каким-то образом самой докопаться до правды. Но что-то ее удерживало, и, поразмыслив, она вынуждена была себе признать, что это страх.

Набрав код на домофоне, Элла вошла в подъезд, поднялась по трем маршам скрипучей лестницы в свою мансардную квартиру, сняла туфли и строго симметрично поставила их у стены, как того требовал ритуал.

Кухня-гостиная выглядела так же, как и до ее ухода несколько часов назад: аккуратно, чисто и по-спартански аскетично. Стол с белой пластиковой столешницей поблескивал, будто перенесся сюда прямо из лаборатории патологоанатома. Впечатление это еще больше усиливалось стойким запахом отбеливателя. Одинокое ярко-красное кресло было повернуто к телевизору, также протертому до нестерпимого блеска. Единственным другим предметом обстановки был функциональный книжный шкаф из «Икеа», где в строгом соответствии с цветовой гаммой стояли романы и брошюры по саморазвитию.

Понедельник, одиннадцать утра, подумала Элла, неловко переминаясь с ноги на ногу, когда паника вновь начала охватывать ее с еще большей силой. Что же теперь делать? Когда она росла на ранчо, всегда находилась работа, и всему находилось время. В городе все было иначе. Не надо было чистить оружие, снимать шкурки с кроликов и чинить заборы. Чтобы заполнять дни, нужна была работа. Поставленная цель. До сегодняшнего дня она у Эллы была. Но теперь над ней нависала ужасающая перспектива наличия «свободного времени»: долгих часов безделья, когда голоса в голове разойдутся в полную силу. Они уже включились на малой громкости. Мужской голос принялся читать комбинации цифр, едва Элла успела войти в дом. Может, врачи правы? Может, это все из-за стресса?

Безо всякой цели она отправилась в спальню, села за стол и открыла ноутбук, подавив искушение выдвинуть ящик с письмами отца. Прошлым вечером она больше трех часов с упорством одержимой изучала марки и штемпели на всех сохранившихся у Мими конвертах. Письма

приходили из разных уголков земного шара: из Пакистана, Греции, Южной Африки, с Фиджи. «Родители на пару изучали мир, зная, что я на ранчо в полной изоляции, скорблю по погибшим, которые живы-здоровы». Вначале Элла встала на сторону отца, целиком и полностью обвинив бабушку во лжи, к которой ее приучили с самого детства, но время шло и ей пришлось признать горькую правду: ее родители тоже к этому причастны. «Они знали, где я, но так и не вернулись».

Что Элле требовалось сейчас – так это найти работу, причем срочно. Она не могла позволить письмам поглотить ее целиком, пока жизнь более-менее не войдет в колею. Когда просматривала вакансии на сайте трудоустройства и на портале выпускников Беркли, у Эллы упало сердце. Даже на чисто офисных и исследовательских должностях, на вакансиях для программистов работодатели хотели видеть «открытых», «харизматичных» кандидатов с «развитыми навыками общения». Академические аттестации у Эллы были «звездными», и ее всегда приглашали на собеседования, а вот там все неизбежно начинало идти вкривь и вкось.

– Скажите, почему вы хотите работать именно в нашей компании? – спрашивал ее кадровик, широко улыбаясь.

– Чтобы зарабатывать деньги, – честно отвечала Элла.

Это обычно вызывало смех, но потом следовали другие, более коварные вопросы.

– У вас есть какие-то увлечения, кроме программирования? – как-то раз спросила Эллу женщина средних лет на собеседовании в высокотехнологичном стартапе.

– Кроме программирования?

– Да, – улыбнулась дама. – Нам нужны всесторонне развитые сотрудники, с разнообразными интересами.

У Эллы взмокли ладони. Все отрепетированные ответы касались программирования. О каких таких увлечениях говорит эта женщина? Боб строго-настрого запретил Элле даже заикаться о сексе. Тогда что же остается?

– Мне нравится... кофейный торт, – ответила она наконец.

Женщина уставилась на нее как на умалишенную и переспросила:

– Кофейный торт?

– Могу еще подстрелить оленя с трехсот метров, – выпалила Элла и по перекошенному от ужаса лицу кадровички сразу поняла, что смолчала чепуху, но некая «жажда смерти» будто толкнула под локоть, чтобы добавить: – И рыбу умею разделывать!

– Весьма любопытно... Что ж, благодарю вас, мисс Прэггер. Дверь вон там.

Трудоустройство в «Байоджен» год назад было настоящим чудом. Элла не сомневалась: место там получила лишь потому, что Гэри Ларсон положил на нее глаз. Но теперь работу она потеряла, и отчасти из-за дурацких головных болей, которые никак не стихали и наверняка станут досаждают на другой работе, если удастся ее найти.

«Отбрось негатив, – твердила она себе. – Здоровый человек превращает лимоны в лимонад».

На этот раз у нее все получится. Она последует совету Боба и разделит проблему на составные части. Шаг первый: раскованность на собеседованиях.

Поднявшись, она вытянулась в струнку перед зеркалом. Многие говорили ей, что наряду с жестами и визуальным контактом очень важны интонации.

– Рада познакомиться! – улыбнулась Элла своему отражению, протянув правую руку. – Элла Прэггер.

Гм... Нет. Слишком напористо.

– Здравствуйте. Меня зовут Элла...

На сей раз ее улыбка напоминала маску мертвеца.

– Спасибо, что приняли меня, – сказала она зеркалу, чуть опустив челюсть и откинув назад волосы, как ей показалось, в легкой и непринужденной манере. – Рада познакомиться. Элла.

– Взаимно, Элла.

Она резко обернулась и завизжала. У нее за спиной, небрежно облокотившись о дверной косяк, словно имел на это полное право, с улыбкой чеширского кота на лице стоял мужчина, которого она видела на похоронах бабушки.

Глава 4

– Вон отсюда!

Схватив щетку для волос с туалетного столика, где все содержалось в идеальном порядке, Элла запустила ею симпатичному визитеру в голову. Он был еще привлекательнее, чем когда она видела его на ранчо, но теперь не тот момент, чтобы на это отвлекаться. Бросок оказался точным и быстрым, как удар молнии, и щетка угодила ему прямо в висок.

– Зачем вы так? – в гневе прохрипел мужчина.

– Вы вломились ко мне в квартиру! – отрезала Элла, потянувшись за массивным флаконом с парфюмом.

– Не надо! – воскликнул мужчина, прикрывая голову руками. – Я к вам не вламывался. Дверь была открыта.

Элла прищурилась.

– Я всегда запираю за собой дверь.

– В этот раз не заперли, – пожал плечами незванный гость.

– Кто вы такой? – сжимая в руке флакон, спросила Элла.

– Это неважно.

Прежняя уверенность в себе потихоньку возвращалась к нему, хоть он и потирал набухавшую на голове шишку размером с орех.

– Для меня важно. Что вы здесь делаете? И зачем явились на похороны?

– Поставьте флакон на место, и я вам отвечу.

Мужчина улыбнулся, и Элла впервые позволила себе хорошенько разглядеть его лицо. Ничего, симпатичный: подбородок волевой, хотя, возможно, слишком массивный, придававший ему грубоватый и суровый вид, так не вязавшийся с изящными манерами и явно дизайнерской одеждой. Его карие глаза окружали довольно глубокие морщины, а значит, он старше, чем показалось Элле на ранчо: навскидку лет сорок, – но в хорошей для своего возраста форме и без малейшего намека на седину в густых темных волосах. Сегодня на нем был костюм и рубашка с золотыми запонками: они сверкнули, когда он вскинул руки, защищаясь от метких ударов Эллы.

Пока хозяйка рассматривала незванного гостя, он занимался тем же, с самым обескураживающим видом разглядывая ее формы. От этого оценивающего взгляда опытного мужчины, любопытного и плотоядного, Элла почувствовала, как к чреслам приливает кровь, и еще сильнее сжала в руке флакон.

– Скажите немедленно, кто вы такой и почему за мной следите, иначе я вызову полицию, и вас арестуют за незаконное вторжение в жилище.

– Не вызовите.

Мужчина прошел в гостиную, сел за стол и без малейшего стеснения вытянул ноги, только закурить не хватало.

– Почему же, – не очень уверенно возразила Элла, сбитая с толку его самоуверенностью. – Хотя бы вот за домогательство...

– Никто вас не домогается, Элла. Садитесь, и поговорим.

Мужчина указал ей на стул напротив так, словно это он хозяин, а она гостья. Элла хотела было возмутиться, но передумала, решив, что это станет признаком слабости и невоспитанности. К тому же, когда первый шок от внезапного появления незнакомца прошел, она почувствовала себя скорее заинтригованной, нежели напуганной. Поставив наконец флакон на место, она уселась и приготовилась слушать.

– Вот и хорошо, – заметил гость, обнажив в улыбке по-волчьи острые белые зубы. – Полагая, у вас есть ко мне вопросы, так что слушаю.

– Зачем вы приехали на похороны Мими? – начала Элла.

– Увидеть вас.

– Но вы даже не подошли, не представились и уехали прежде, чем я смогла с вами поговорить.

– Того, что увидел, мне было достаточно.

Элла нахмурилась, поскольку терпеть не могла загадки.

– Что все это значит? Что вам от меня нужно? – Ее раздражение начало выплескиваться наружу. – Вы без приглашения являетесь на похороны, потом тайком проникаете в мой дом, причем в самое неподходящее время: этим утром я потеряла работу.

Мужчина пожал плечами, демонстрируя полное равнодушие к услышанному, не говоря уж о сочувствии.

«Господи, ну и невежа! – подумала Элла. – Беспардонный эгоист...»

– Вам все равно пришлось бы уйти с работы, – как бы между прочим заметил гость. – С этого дня вы будете работать на нас.

Элла вскинула бровь.

– Да неужели? И кто это такие «мы»?

Мужчина подался вперед, внезапно оживившись:

– Организация, которую я представляю, тайная, но могущественная. Наша задача – восстановление справедливости по всему миру.

Элла подавила смехок. Это что, комиксы? Дальше он расскажет, что все они носят плащи и живут в пещерах, как какие-то Бэтмены. Но когда мужчина продолжил, голос его сделался очень и очень серьезным.

– Кое-что я смогу объяснить вам сегодня, остальное поймете со временем, когда начнете подготовку.

Подготовку? Элла впервые задумалась: может, этот симпатичный незнакомец не в себе? Какой-нибудь параноик-шизофреник: увидел ее на улице или в кофейне, а потом решил выследить? Может, ей пора задуматься о своей безопасности?

Она поднялась и спокойно подошла ко входной двери:

– Уверена в ваших благих намерениях, но, похоже, вы меня с кем-то спутали. Я не намерена ни к чему готовиться, ни тем более вступать в какую-то организацию. Я живу обычной жизнью, работаю...

– По-моему, вы только что сказали, что вас уволили, – заметил незнакомец.

– Ну да, и что? Но дело даже не в этом: просто я требую, чтобы вы немедленно ушли.

Она распахнула дверь, но мужчина даже не шевельнулся.

– Пожалуйста, уходите.

Никакой реакции.

– Я прошу вас! Требую наконец! – В голосе Эллы появились угрожающие нотки. – Если не уйдете, я...

Озвучить угрозу ей не удалось.

– Ваши родители, Уильям и Рейчел Прэггер, были очень ценными членами «Группы», – произнес мужчина, не поднимая глаз от стола. – Они посвятили нашему делу всю свою жизнь.

Элла замерла.

– Вы знали моих родителей?

– Лично – нет, но о них, естественно, знал. В свое время они были легендами. В «Группе» все знают о Прэггерах.

Элла закрыла дверь. Сердце колотилось так, что стало трудно дышать.

– Вы сказали о них в прошедшем времени: «были» легендами.

– Да.

– Значит... моих родителей нет в живых?

– Да.

Никаких утешений. Никаких «мне очень жаль» и «думал, вы знаете». Он ответил ей напрямик, словно она спросила, который час, или задала совершенно банальный вопрос. «Такой же бестактный, как я», – сказала себе Элла, но эта «схожесть» не смягчила удар.

Прислонившись к стене, она попыталась дышать как можно ровнее. Всю свою жизнь до событий десятидневной давности она верила, что ее родителей нет в живых, что они погибли в автокатастрофе, когда она была совсем маленькой, но с того момента, как она нашла в тайнике Мими пачку писем, жила надеждой, пусть злой, туманной и сумбурной, но все-таки надеждой на то, что каким-то чудесным образом еще не слишком поздно, на то, что однажды все-таки увидит отца и мать и те все ей объяснят, что все встанет на свои места...

И вот теперь этот незнакомец: странный, самонадеянный и симпатичный гость – единственным словом погасил огонек надежды, словно священник, по окончании службы привычно задувший свечу.

– Вы уверены, что их нет в живых? – прошептала Элла.

– Совершенно, – ответил он. – Они погибли при выполнении задания в две тысячи первом году.

В 2001-м... Именно тогда перестали приходить письма.

– Полагаю, тогда вам было лет восемь, – сказал мужчина.

– Какого задания? – спросила Элла. Ей и в голову не пришло поинтересоваться, откуда он знает ее возраст или вообще что-то о ней. – Вы хотите сказать, что мои родители были шпионами?

Он пожал плечами.

– Мы называем членов «Группы» агентами.

– Как они погибли? – спросила Элла, никак не отреагировав на его замечание.

Он на мгновение замялся, потом ответил:

– Их убили.

Элла судорожно сглотнула: «Убили!» – на несколько секунд онемела, потом спросила:

– Как это случилось?

Мужчина поднял руку.

– Боюсь, большего я вам сказать не могу: пока не могу, – однако вы должны знать, что ваши родители были чрезвычайно храбрыми людьми, Элла. Они делали все, чтобы вас защитить, чтобы у вас было спокойное и счастливое детство.

«Спокойное и счастливое?» – с горечью подумала Элла. Вряд ли эти слова подходили для описания ее жизни в хижине Мими.

– Я хочу знать, как они погибли и почему.

– Узнаете, – пообещал гость, – когда будете готовы. Ваши родители всегда хотели, чтобы вы когда-нибудь вступили в наши ряды, продолжили их дело.

Он продолжал рассказывать о «Группе», о заданиях и подготовке, но Элла его не слушала. Ей было все равно, что это за секта, куда он так настойчиво уговаривал ее вступить. Главное – этот человек что-то знает о ее отце и матери. Что-то реальное. С подробностями. Впервые в жизни Элле предлагались ответы: настоящие, с фактами, – а не смесь из лжи, полуправды и банальщины, которой кормила ее бабушка из благих или не очень побуждений.

– Что вам еще известно о моих родителях? – оборвала она гостя, снова усевшись за стол напротив него. – Вы сказали, что никогда с ними не встречались.

– Не встречался.

– Но другие члены этой вашей «Группы» встречались?

– В «Группе» еще остались работавшие вместе с ними люди, – осторожно ответил он.

– Кто? Могу я с ними поговорить?

– Боюсь, что на этом этапе я не могу назвать их имен.

– Что значит «на этом этапе»? – уточнила Элла и, уже настойчивее, добавила: – И почему не можете? Это же мои родители. Я имею право знать.

– Я же объяснил: как только вы начнете подготовку к первому заданию, вам предоставят больше информации, – спокойным тоном ответил мужчина.

Элла потерла пальцами виски. Весь их диалог с самого начала выглядел абсурдным: ни в какую дурацкую секту вступать она не собиралась, а уж вызываться добровольцем на какие-то там спецоперации – тем более. Какой бы номер эти люди ни провернули в свое время с ее родителями, с ней он не пройдет. Она не Лара Крофт¹, а всего лишь безработный статистик с сомнительными навыками общения и не диагностированным умственным расстройством, от которого у нее в голове будто бы что-то долбили кирками сотни крохотных человечков.

Она устало приложила пальцы к вискам.

– Подготовка поможет вам справиться с головными болями, которые вы испытываете, – будто бы между прочим заметил гость. – Как и с другими побочными эффектами вашего... дара: тошнотой, голосами и прочим.

У Эллы засосало под ложечкой. Откуда, черт подери, этот совершенно незнакомый человек знает о голосах у нее в голове? Она никогда и никому о них не рассказывала, даже ничемным врачам.

– Что за дар вы имеете в виду? – спросила она вдруг севшим голосом. – Откуда вы все это обо мне знаете?

– Вот. – Мужчина сунул руку в карман пиджака и вынул серебристую флэшку, похожую на старомодную зажигалку. – Посмотрите после моего ухода. Это многое вам прояснит. Вы уникальны: ваш мозг устроен иначе, не так, как у других, – но все с вами совершенно нормально.

– Мозг не устраивают, – пробормотала Элла себе под нос, глядя на флэшку.

– А вот ваш был устроен, – возразил гость. – В лабораторных условиях. Ваши родители были первопроходцами в генной инженерии. Каждый из них и сам по себе был блестящим ученым, но вместе они открыли такие горизонты, о каких их современники даже и мечтать не смели.

– Погодите, – подняла руку Элла. – Они были врачами. Медиками.

– Не совсем так, – поправил ее гость.

– Нет, именно так! – возмутилась Элла. – Бабушка мне рассказывала...

– Это та же бабушка, которая вам твердила, что они погибли в автокатастрофе? – с сочувствием взглянул на нее гость. – Конечно же, теперь-то вы понимаете, что бабушка вас обманывала. Постоянно. И во многом.

Элла закусила губу. Ей хотелось, чтобы он ошибался, чтобы она могла встать на защиту Мими, но увы...

– Я говорю вам правду, – произнес гость. – Хотите верьте, хотите – нет. Ваши родители были не врачами, а исследователями: мать – неврологом, отец – генетиком, – причем самыми блистательными умами нашего поколения. А вы – их величайшее достижение.

Элла ждала продолжения.

– Голоса и фразы, которые вы слышите, не являются слуховыми галлюцинациями. Все они реальны. Это электронные сигналы различных типов. Еще до рождения вас генетически модифицировали таким образом, чтобы вы могли принимать их и – по крайней мере, в теории – расшифровывать. Мы полагаем, что у вас еще имеются и визуальные способности, однако полные возможности вашего дара сможем узнать лишь после того, как поработаем с вами в лаборатории. От этого и правда дух захватывает!

¹ Персонаж фильмов, мультсериалов, книг и комиксов, придуманный Т. Гардом в 1990 г. – *Здесь и далее примеч. ред.*

Дух захватывает? Когда говорят, что твои родители зачали тебя в ходе какого-то эксперимента? Слова «генетически модифицировали» заставили Эллу вспомнить геометрически круглые красные помидоры, прекрасно выглядевшие на магазинных полках, но со вкусом теннисных мячей. Фейк. Подделка.

– Вы говорите, что проблемы с мозгом мне создали родители? – повторила она медленно. – Намеренно?

– Создали не проблемы, а способности, – поправил ее гость. – Вы все не так воспринимаете, Элла. Лишь вообразите себе открывающиеся возможности. У вас есть дар. Вы можете постигнуть неизведанное. Вы похожи на... приемник.

– Ну, если я и приемник, то сломанный, – бросила Элла. – Я не могу ничего расшифровать. Я слышу лишь шум, пока голова не начинает болеть так, что того и гляди лопнет. Меня все время тошнит, я падаю в обморок – вот и весь «дар».

В ее голосе сквозила горечь. И злоба.

– Понимаю, что это шок, – с сочувствием проговорил гость, но было件нятно, что его это мало волнует. – Но это все пройдет. В процессе подготовки. Как только вы научитесь управлять своими способностями, мы надеемся, что они окажут «Группе» неоценимую помощь. Во имя добра. Как и мечтали ваши родители.

Он встал, отодвинув стул, и поправил шелковый галстук пальцами с идеальным маникюром.

– Знаю, вам многое нужно осмыслить. Загрузите информацию с флэшки. Попробуйте сразу же сосредоточиться, поскольку после просмотра она автоматически и безвозвратно удалится. Касательно дальнейших шагов я свяжусь с вами в ближайшие дни.

Элла тоже встала: не могла же она позволить ему вот так взять и уйти. Психом она его больше не считала, но в то же время весь их разговор был совершенно бессмысленным. Как смеет этот абсолютно незнакомый человек врваться в ее жизнь? Устроил ковровую бомбардировку, отказывается отвечать на вопросы, а потом решил вальяжно удалиться, оставив ее собирать обломки?

Она схватила его за руку.

– Стойте! Погодите, прошу вас.

– Я с вами свяжусь! – Он стряхнул ее руку и направился к двери.

– Знаете что? Не парьтесь! – дерзко крикнула Элла, когда он уже спускался по лестнице. – Потому что я не вступлю ни в какую дурацкую «Группу» ни ради вас, ни ради родителей, ни ради кого-то еще. Так что не возвращайтесь!

Гость не ответил, и она добавила:

– У меня, знаете ли, своя жизнь!

Он остановился, обернулся и посмотрел на нее – скорее с любопытством, чем с раздражением:

– Разве? Ни работы, ни семьи, ни друзей, ни реальной цели в жизни. – Он перечислял ее недостатки, загибая пальцы: не язвительно, а как бы между прочим, словно ученый, позволивший данным говорить самим за себя. – Я бы не назвал это жизнью, но, возможно, у вас свои критерии.

Элла яростно зашипела, стараясь придумать достойный ответ, но пока соображала, гость уже исчез. Она стояла одна на верхней площадке, с флэшкой в кулаке, и чувствовала себя так, словно в ее жизнь ворвался смерч и перевернул все вверх тормашками. Если бы гость был в пределах досягаемости, она швырнула бы флэшку ему в холеную морду. Вот ведь гад самодовольный.

Ну, если он считает, что может диктовать, как ей жить, то глубоко ошибается. Элла не какой-то там Франкенштейн, что бы ни напридумали ее родители. Пусть визитер засунет все свои дурацкие «Группы», подготовки и задания куда подальше.

«Я тебе покажу, мистер...»

И в эту секунду до Эллы дошло, что гость, который так много знает о ней и ее родителях, совершенно чужой человек, но осведомленный о голосах у нее в голове и ее прошлом, ничегошеньки не рассказал о себе.

Она не знала, как он попал в «Группу» и что для этого сделал; не знала, сколько ему лет и где он живет; даже имени его не знала...

Глава 5

Хелен Мартиндейл откинула прядку седеющих волос с одутловатого круглого лица и, закрепив ее заколкой-невидимкой, снисходительно улыбнулась сидевшей напротив молодой женщине, которая внимательно читала одностраничный контракт, вникая в каждую строчку, словно там содержался ответ на вопрос, в чем же смысл жизни.

– Это стандартное соглашение о предоставлении услуг, – пояснила Хелен. – Там нет никаких сюрпризов.

Но дама не обратила внимания на ее замечание, продолжая читать, и тогда Хелен добавила:

– Мы выставим ваш объект за хорошую цену.

Риелторша была в восторге, что внучка Мими Прэгер решила продать дорогостоящее ранчо в Райской долине через агентство «Мартиндейл и Джессоп», а не обратилась в какое-нибудь пафосное городское, которое предлагает всякие «виртуальные туры» и «продвижение в социальных сетях» с обещаниями цен до периода засухи, о которых местные вроде Хелен Мартиндейл знали, что получить прежние деньги больше нельзя.

– Вас что-то смущает, дорогая? – не выдержала Хелен, когда прошло добрых десять минут.

– Что? – Элла смущенно подняла глаза, словно впервые увидев пожилую женщину. – Ой нет. Спасибо, все хорошо. Мне нужно что-то подписать?

Хелен Мартиндейл указала на пунктирную линию в самом низу страницы и протянула Элле ручку. Бедная девочка, казалось, пребывала в каком-то своем мире. Конечно, она всегда была забавной, немного не от мира сего, как говаривал отец Хелен. И неудивительно: ведь на ранчо ей приходилось жить практически в полном одиночестве, да и в школе она с детьми почти не общалась, – но сегодня утром она казалась более замкнутой и отстраненной, чем обычно. Возможно, расставание с ранчо и прощание с хижинкой, где выросла, вызвали у нее больший всплеск эмоций, чем она ожидала.

– Вы поживете в домике, пока будете в наших краях? – участливо спросила Хелен.

– Нет, – ответила Элла.

– Ну, значит, наша задача облегчается, – улыбнулась Хелен. – Вам, наверное, нелегко было возвращаться сюда после кончины бабушки?

Элла не знала, как ответить на это замечание, поэтому встала, холодно пожала риелторше руку и вышла, закрыв за собой дверь. Нет, грубить она вовсе не хотела, просто не умела говорить на общие темы.

Бедняжка, подумала риелторша, глядя вслед этой странной девушке и гадая, улучшат или ухудшат ее жизнь деньги, полученные от продажи ранчо, и не могла избавиться от гнетущего ощущения, что скорее ухудшат. Проблемы Эллы, как верно предположила Хелен Мартиндейл, были не из тех, которые можно решить с помощью щедрого чека. Ей и вправду было тяжело возвращаться сюда, но вовсе не из-за смерти Мими, а потому, что Элла по-прежнему пребывала между небом и землей и не имела ни малейшего представления, как дальше повернется ее жизнь. Она по глупости отложила поиски работы, пока не получит известий от незнакомца, который обещал с ней связаться через некоторое время. Прошло уже девять дней после его неожиданного визита в ее квартиру, но от него ни слуху ни духу.

Не то чтобы у нее были хоть какие-то намерения вступить в его «Группу» или заняться некой бредовой подготовкой, о которой он говорил, но она ждала случая высказать все это ему в глаза, а если уж совсем честно – хотелось снова повидать. Пусть даже себе она в этом не признавалась, его внезапное вторжение в ее жизнь лишило ее покоя, и это было связано не только с волнующими откровениями касательно родителей.

Поскольку привлекательный незнакомец как сквозь землю провалился, Элле пришлось возвращаться в Райскую долину в состоянии еще большей безнадежности и уныния, чем на похоронах бабушки. К счастью, Элле пока еще не встретился ни один из ее бывших одноклассников-мучителей. Это и впрямь было бы...

– Чтoб меня! Да это же мисс Элла! Глазам своим не верю!

Случись подобное с кем-то еще, было бы забавно.

Через улицу, чтобы приветствовать ее, вприпрыжку неся Дэнни Бликер, светловолосый и голубоглазый Дэнни, лучший подающий в бейсбольной команде местной школы и несчастье всей жизни Эллы с десятого класса до самого выпуска.

– Черт побери, как жизнь, Элла Прэгер?

Она не очень хорошо разбиралась в тонкостях бытового общения, но вот что странно: он, казалось, был искренне рад их встрече. Дэнни расплылся в улыбке и положил руки ей на плечи, словно она двоюродная сестра, которую он не видел много лет, или старый друг. Выглядел он так же, разве что темно-синий комбинезон механика придавал ему взрослости, которой у него не было в школе.

– Думал, что скорее тут у нас снег пойдет, чем ты снова объявишься в наших краях. Что, в Сан-Франциско не сложилось?

– Бабушка умерла, – с обычной прямоотой ответила Элла.

– Печально, – произнес Дэнни.

– Сейчас вот продаю ее ранчо.

Дэнни Бликер присвистнул.

– Оно, наверное, кучу денег стоит. Значит, ты теперь богачка, а? Или будешь ей. Что ж, это классно. Рад за тебя.

В этот момент оглушительный гомон голосов, словно скрестилась сотня телефонных линий, взорвался у Эллы в голове, будто лопнувший динамик. Она зажала уши обеими руками и согнулась пополам от боли.

– Что такое? – встревожился Дэнни, машинально обняв ее за плечи. – Что случилось?

Элла замерла, ожидая, пока стихнет визг – как обычно и бывало через несколько минут, – прежде чем высвободиться из его объятий.

– Ничего. Просто голова разболелась.

– Все еще накачивает? – озабоченно спросил Дэнни. – Знаешь, тебе и вправду надо бы к врачу. Эта хрень уже столько лет тянется. Помнишь, как на уроке у мисс Халстром ты...

– Дэнни, – оборвала его Элла, – почему ты притворяешься другом-приятелем?

Он громко рассмеялся.

– Не притворяюсь. Я и есть такой.

– Нет, – возразила Элла, – ты жестокий и злобный.

Он нахмурился, похоже, действительно застигнутый врасплох.

– Слушай, я знаю, что в школе вел себя не совсем так...

– Ты вел себя отвратительно.

– Признаю, тогда я много чего о себе мнил, но ведь, сама знаешь, я же был подростком.

В семнадцать-то лет...

– В выпускном классе всем было по семнадцать, – заметила Элла.

– Я в том смысле, что...

– Ты всем разболтал, что у нас было сношение.

Дэнни покраснел.

– Разве? Что-то не припомню.

– Говорил, что я умоляла тебя вступить со мной в отношения. «Умоляла» – вот так прямо и говорил.

Дэнни виновато вскинул перед собой руки.

– Ну ладно. Ух ты! Даже не знаю, что сказать. Я вел себя как debil, прости. Но это ведь уже древняя история, так? Теперь я женатый человек. Помнишь Бет Харви?

Элла ее не помнила, но Дэнни вытащил из нагрудного кармана комбинезона фотографию и с силой сунул ей в руку. На снимке была ничем не примечательная темноволосая девушка с двумя толстенькими лысенькими младенцами на коленях.

– Это наши близняшки, – с гордостью объяснил Дэнни. – Нейт и Чарли. У тебя есть дети?

– Нет! – Элла занервничала и принялась оглядываться по сторонам в поисках спасения.

– А ты замужем?

Она яростно затрясла головой, но Дэнни продолжал улыбаться, как слабоумный. Зачем он задает ей все эти вопросы? Зачем он вообще с ней разговаривает? Когда он хулиганил, то нравился ей куда больше. По крайней мере тогда она знала, с кем имеет дело и что говорить «другу-приятелю» Дэнни Бликеру.

– Понятно. – Взгляд его был хоть и добрый, но совершенно пустой. – Ты вся ушла в карьеру. Верно? Ну, ты же всегда была самой умной. А еще сумасшедшей. Ты ведь в Калифорнийский универ поступила, так? И на кого выучилась? На врача? На адвоката? Нет? Дай угадаю: на ракетчицу? Работаете у Илона Маска или еще где?

– Нет, – не обращая внимания на его ерничанье, совершенно серьезно ответила Элла. – Была статистиком, но меня уволили. Официально за то, что слишком часто отпрашивалась, а на самом деле потому, что отказалась от сексуальных отношений с боссом. Он был чрезвычайно непривлекательным. А теперь мне надо обратно в гостиницу. Пока.

Дэнни повернулся и почесал в затылке, глядя вслед однокласснице, спешно уходившей от него в сторону обшарпанной гостиницы «Два дерева», единственной в городке. Ему всегда нравилось смотреть ей вслед. Попка у нее по-прежнему была что надо. Но как бы там ни было, за годы после школы она, похоже, сделалась еще более странной. Тогда Дэнни до жути хотелось с ней переспать. Все его издевки и подколы были неуклюжей попыткой пофлиртовать с ней, привлечь к себе внимание, но, оглядываясь назад, Дэнни решил, что ему крупно повезло.

Вернувшись в безликий гостиничный номер, Элла улеглась на страшенькую кровать бурого цвета и закрыла глаза, мысленно приготовившись к очередной атаке голосов. Пока что во время пребывания в городе у нее случилось два изнуряющих приступа на Мейн-стрит и один, полегче, здесь, в гостинице, словно где-то в спальне спрятали радио, издававшее шипение, пока сигнал менял направление между двумя станциями.

После ухода гостя, явно навсегда, у Эллы была масса времени для осмысления бредовой теории, которой он объяснял ее состояние.

«Голоса и фразы... реальны. Это электронные сигналы различных типов. Еще до рождения вас генетически модифицировали, чтобы вы могли принимать их и расшифровывать. От этого... дух захватывает!»

Стремление получить объяснения своему выматывающему душу состоянию вызвало у Эллы желание ему поверить. Но даже при самой поверхностной проверке на соответствие действительности это было нелегко. Генетически модифицировали еще до рождения? Да ладно вам. Разве это возможно? Элла немного погуглила и решила, что нет, разве что после попадания под гамма-излучение можно превратиться в гигантское зеленое чудовище, а после укуса паука могут вырасти руки-щупальца. Этот ее гость, кто бы он ни был, явно и намеренно играл на ее слабостях, говоря ей то, что она хотела услышать, с целью завлечь ее в сети «Группы». Он успешно давил на обе ахиллесовы пяты Эллы – стремление узнать судьбу родителей и отчаянный поиск средства от убийственных головных болей, способа заткнуть голоса, денно и нощно гудевшие у нее в голове. Он хитроумно использовал эти два фактора, чтобы манипулировать ею. Интересно, было ли его исчезновение очередной манипуляцией? Если так, то она удалась.

Но зачем? Вот в чем вопрос. Что ему от нее нужно? И что он надеется получить?

Над этими вопросами Элла билась каждую ночь вместе с другими. Откуда он узнал о ее состоянии? Она никому не рассказывала о преследовавших ее голосах, ни одной живой душе. Если ее родителям промыли мозги в какой-то секте, к которой принадлежал ее визитер, и если они и вправду были генетиками, то тогда его объяснения бушевавшему у нее в голове шуму казались по крайней мере вероятными, пусть даже и бредовыми. Генетически модифицирована. Не очень-то утешает, но хоть какой-то ответ. От него можно оттолкнуться, пусть даже проблем возникнет столько же, сколько и решений.

Лежа на кровати, Элла опустила руку в карман и сжала пальцами флэшку, которую дал ей гость. Она еще не смотрела, что там на ней: удерживал страх пополам с гневом, оказавшимся сильнее любопытства.

«Он хочет, чтобы я это посмотрела, – думала Элла, – и потому делать это нельзя: нельзя позволять ему задавать тон. Это значит преподнести ему инициативу на блюдецке».

Визитер явно считал ее наивной, податливой, этакой овечкой, которую можно вести куда угодно. Элла намеревалась продемонстрировать ему, как же он ошибается. Но каким образом она сможет это сделать, если он исчез? Что, если он вообще не вернется, а эта флэшка – единственный ключ к разгадке истинных причин ее состояния?

Она провела пальцами по бороздкам на металле, разогревшимся от тепла руки и чуть липком от пота. Вытащив флэшку из кармана, Элла встала и положила ее на стол рядом с компьютером. Голоса еще не вернулись. Везде тихо – и в номере, и у Эллы в голове.

«Если я подключу ее прямо сейчас, никто не узнает, что я ее просматривала. Никто, кроме меня. Он не сможет мной манипулировать, если я ему не позволю».

Элла заперла дверь и, вставив флэшку, стала ждать, пока появится окно.

Ничего.

Она щелкнула «файл» и открыла «содержимое». Пустота. Флэшка была совершенно чистой.

– Вот гад! – вырвалось у Эллы. Он что, так шутит? Внутри у нее все буквально закипело: захотелось что-нибудь разбить, сломать, кого-нибудь ударить – в идеале его.

Но тут на дисплее начали происходить странные вещи: сначала он погас, потом включился, рабочий стол с аккуратно рассортированными ярлыками и программами вроде как засветился и задрожал, словно вывески в жарком мареве. Наконец, сначала к изумлению, а затем к ужасу Эллы, все ее приложения начали исчезать, лопаясь одно за другим прямо у нее на глазах, словно воздушные шарик.

Какого черта?..

В самом низу дисплея появился счетчик, показывавший снижавшийся сначала медленно объем «используемой» памяти 225 Гб... 200 Гб... 160 Гб... – затем очень быстро: 8 Гб... 1 Гб... 470 Мб...

Флэшка стирает жесткий диск! Визитер не дает ей информацию, а крадет! Элла вытащила флэшку, но было слишком поздно. Тускло мигнув, словно старик, испускающий последний вздох, дисплей почернел.

Трясаясь от ярости на саму себя, Элла сидела, лишившись дара речи, и таращилась в пустоту. Через несколько секунд компьютер затрещал, издавая тот же шум, который она часто слышала у себя в голове, но в этот раз он исходил извне и был настоящим. Потом на дисплее появилось лицо: мужское, наполовину затененное, сначала неподвижное, как в стоп-кадре на старомодном видео. Еще одно потрескивание, и мужчина шевельнулся, наклонившись вперед из тени и глядя в объектив.

Элла вцепилась руками в край стола. Нет! Этого быть не может.

– Дорогая моя Элла. – Уильям Прэгер откашлялся и продолжил: – Если ты смотришь эти кадры, то уже знаешь, что я покинул этот мир. Я больше не могу быть с тобой, и мне искренне жаль.

– Папа! – ахнула Элла, ловя ртом воздух.

Этот голос! Она не слышала его двадцать два года и совершенно позабыла. Или так ей казалось до этой минуты, когда он снова ворвался в ее жизнь, словно старый друг, волшебным возвращавший утраченную любовь, словно злые, но одновременно прекрасные чары. Она машинально протянула руку и коснулась экрана, словно пальцы могли как-то приблизить ее к нему, перенести обратно в прошлое. Но, конечно же, не смогли.

– С тобой уже связывался кто-то из «Группы». И я уверен, что разговор привел тебя в замешательство, а возможно, даже напугал. Пожалуйста, не надо бояться.

Выглядел он очень молодо: на тридцать с небольшим, – одет в белую футболку, на шее висели четки. Длинные волосы, как у хиппи или сёрфера, и очень загорелое лицо, что никак не вязалось с немногими отрывочными воспоминаниями Эллы об отце. Но манера держаться, мимика и улыбка были прежними.

Элла зачарованно смотрела на экран и ловила каждое его слово.

– Твоя судьба, как и наша с мамой, всегда была тесно связана с «Группой» и ее работой, нашей работой. Знаю, что сейчас может казаться иначе, но подобная судьба также является привилегией – возможно, величайшей из привилегий, доступных человеку. Ты рождена творить добро, Элла. Творить добро так, что другие могут этого и не понять.

Это нелегкий путь. Этот мир полон зла, масштабы и размах которого большинство людей даже вообразить себе не могут. Печально, что немногие, кто его видит, предпочитают отсиживаться в стороне и отмалчиваться, прятать голову в песок. Они надеются, что все разрешится само собой. К сожалению, зачастую такую позицию занимает и наше правительство.

У Эллы засосало под ложечкой. Она любила отца, и все долгие годы, что его не было рядом, привыкла боготворить его вместе с мамой, но на этом видео Уильям Прэгер говорил так же, как какой-нибудь сектант с промытыми мозгами, которых показывают по телевизору: напыщенно распространяясь о теориях заговора, о коррумпированном правительстве и о том, что лишь «Группе» ведома высшая истина.

– Элла, тебе ниспослан уникальный дар. Ты дитя не только любви, но и науки. Твоему мозгу подвластно то, что недоступно мозгу других людей. В «Группе» тебе все объяснят, когда придет время. Сейчас мы не можем точно сказать, насколько глубок твой дар и каковы его потенциальные возможности, но мы с мамой знаем, что ты используешь его во благо. Мы верим в тебя, дорогая, и любим тебя.

По щекам Эллы медленно катились слезы. Ей хотелось пролезть сквозь экран, чтобы обнять его, поцеловать... а потом высказать все, что накопилось, и встряхнуть его так, чтобы почувствовал ту же боль, что и она. Как он мог с ней такое сотворить? Родной отец! Этот так называемый «дар» обрек ее на каждодневные страдания: головные боли, паранойю и одиночество, глубину которого ему, вероятно, не дано было понять. Как они с матерью посмели испытывать свои экспериментальные генетические штучки на людях, на собственной дочери? Как можно вмешиваться в то, что создано Господом Богом?

– Оставайся верной себе, дорогая, – продолжал Уильям. – Целиком положишься на «Группу» и постарайся набраться терпения. Поверь, со временем ты все поймешь. – В глазах отца стояли слезы, и Элла заметила, что ему стоит больших трудов сдерживать их. – Самое главное – прошу, никогда не забывай, как сильно мы с мамой тебя любим. Поцелуй за меня бабушку. Прощай, моя драгоценная любимая дочурка.

Снова раздалось шипение, и экран погас навсегда.

– Нет, – еле слышно прошептала Элла. – Нет, нет, нет, нет, нет!

Неужели это все? Он ведь ничего о маме не сказал. Где она? И почему ее не было на видео?

Элла в отчаянии снова подключила флэшку в надежде, что видео появится, но файла нигде не было: он исчез, стерся, как и обещал визитер.

Нееет! Элла вскочила и с силой вцепилась себе в волосы от безысходности, граничившей с паникой. Должно же быть что-то еще! Плохо, конечно, что в ящике Мими не оказалось ни одной весточки от мамы. Но почему ее не было на видео? Почему она не сидела рядом с отцом, ничего не говорила и не попросилась с ней? Разве Рейчел Прэгер совсем не было дела до родной дочери? Разве Элла была для нее всего лишь подопытной свинкой для жертвоприношения всемогущей «Группе»?

Элла начала ненавидеть эту «Группу». Кто они такие, чтобы влезать в чужую жизнь, разлучать родителей с детьми, а потом, вернувшись через много лет, заявлять на них права как на собственных детей?

Захлопнув крышку лаптопа, Элла резко швырнула его на кровать. Теперь от него толку нет, он сломан, а жесткий диск безнадежно испорчен. «Как моя жизнь», – подумала Элла с горечью и принялась мерить шагами комнату, словно зверь в клетке, чувствуя себя вымотанной и одновременно полной какой-то кипучей энергии. Ее охватило всеобъемлющее желание все узнать и понять. И вместе с тем казалось, что чем больше она узнавала, чем больше у нее появлялось разрозненных фрагментов противоречивой и непонятной информации, тем сильнее ее мучили неуверенность, растерянность и любопытство. Она вообще кто: человек с душой и самосознанием, дочь своих родителей или их научный проект? С каждым новым ударом Элла чувствовала, как ее самооценка рассыпается прямо на глазах, но неудержимое желание все узнать двигало ею, словно пагубное влечение, хоть она и знала, что оно может ее и погубить.

Увидеть и услышать отца было великой радостью и одновременно страшной пыткой, потому что он очень многого не сказал, потому что быстро исчез и потому что ни разу не произнес слово «прости», хотя должен был за многое попросить прощения. Но главное – за то, что так и не вернулся.

Элла наполнила ванну такой горячей водой, что едва могла терпеть, когда залезла. Глядя, как кожа ее краснеет, словно у омара, она надеялась, что эта неприятно обжигающая тело вода смоев всю душевную боль, но увя...

«Выбор невелик, – сказала она себе в плотном облаке пара. – Можно утонуть, а можно выплыть. Можно самой управлять своей жизнью или превратиться в марионетку».

Только что просмотренное видео подтвердило рассказ визитера о ее научных корнях. Родители действительно пытались ее запрограммировать, как компьютер, чтобы она стала полезной «Группе». Сам Джордж Оруэлл² не смог бы такое придумать. Они верили, что имеют право управлять не только ее разумом и телом, но и всеми ее решениями, то есть «судьбой», как выразился отец. «Группа» совершенно однозначно промыла мозги чете Прэгер, и вот теперь они из могилы хотели и дочь отправить на промывание мозгов.

Нет. Не выйдет!

Элла уже отвергла бабушкино видение судьбы – отшельническую жизнь в христианском благочестии на полностью отрезанном от остального мира ранчо. Вырываться из нее было больно, но у Эллы получилось. И в этот раз тоже получится.

Ладно, с ее мозгом кое-что сотворили и проблема действительно есть, но решить ее она способна одна, без помощи секты, которая изначально и заваривала эту кашу. Она еще сможет жить нормально, если захочет, как живет Боб: в городе, с работой, семьей и друзьями. У нее получится, а Боб поможет все обустроить.

Вот только... голоса, головные боли, тошнота, бесконечный рев, который никогда не смолкает. В конечном итоге они сведут ее с ума. Как ей надеяться сохранить работу или отно-

² Оруэлл Джордж (наст. имя Эрик Блэр; 1903–1950) – английский писатель и публицист; в романе-антиутопии «1984» (1949) изобразил будущее мировое общество как тоталитарный иерархический строй, основанный на изощренном физическом и духовном порабощении, пронизанный страхом и ненавистью.

шения, когда в любой момент на нее может навалиться оглушительный шум и боль, отчего она падает и теряет сознание?

Ей нужно научиться управлять голосами, подчинить себе этот чертов дар, в чем бы он ни заключался, потому что, пока этого не произойдет, не стоит и жить, какую бы жизнь она ни выбрала.

Элла вылезла из ванны, потом, роняя на пол капли воды, улеглась на кровать, чтобы прохладный воздух комнаты вытянул жар из тела.

Как бы она ни относилась к визитеру, как бы люто его ни ненавидела – ключ к ее будущему у него, и не потому, что она своим состоянием обязана ему, родителям или всей этой дурацкой «Группе», а потому, что он, вероятно, мог бы научить ее управлять голосами в голове, или, по крайней мере свести с теми, кто на это способен. Возможно, если эти голоса смолкнут, у нее появится шанс слышать реальных людей, научиться с ними общаться, вписаться в окружающий мир.

– Где ты? – выкрикнула Элла. – Где ты, сукин сын?

– Закройте глаза.

Элла резко повернулась, схватила лежавший на полу коврик и попыталась прикрыться. Голос прозвучал так четко, что она решила, будто его обладатель где-то в номере, огляделась, обшарив глазами каждый уголок, но... никого.

– С закрытыми глазами вы будете лучше меня слышать.

И лишь тогда Элла с замиранием сердца поняла, что голос звучит у нее в голове, но в отличие от остальных был совершенно чистым, четким, словно говорили по защищенной от помех телефонной линии.

«Он мне что-то транслирует?»

Помимо воли Элла пришла в восхищение. Вот черт, как он смог?..

– Не пытайтесь мне ответить, – опять прозвучал голос, – ничего не выйдет. Вы можете принимать, а вот транслировать – нет. Просто слушайте.

«Отлично, – с горечью подумала Элла. – Значит, ты хозяин положения. Опять».

– Рад, что вы посмотрели видео. Полагаю, у вас есть вопросы.

«Да, пара-тройка».

– Вам представится возможность задать их во время подготовки. Она начинается завтра на нашем объекте в северной части штата. Вас там ждут.

«Конечно-конечно».

– Возьмите карандаш и бумагу. Информация, которую я вам сообщу, очень важная. Никому ее не передавайте.

Возможно, то, что Элла не могла ему ответить, было к лучшему, поскольку его не терпящий возражений тон начал выводить ее из себя. Примерно после двадцати секунд молчания голос продиктовал ей географические координаты, потом дважды повторил, и Элла торопливо их записала: просто цифры, ничего больше. Затем голос коротко попрощался и пропал так же внезапно, как и появился.

Немного справившись с охватившим ее волнением, Элла забралась под одеяло.

Завтра она увидит «Группу» своими глазами. Вступать в нее у Эллы нет ни малейшего намерения. Не хочет она, чтобы ее оболванили и промыли ей мозги, как родителям. И, конечно же, она не собирается ни на какие задания по указке этого сборища психов. Вместо всего этого она поменяется с ними местами. Возьмет от них то, что нужно ей, и на своих условиях. Она заставит их научить ее контролировать или даже отключать передачи, которые делают ее жизнь невыносимой, отключать «дар», потом вытянет из них побольше информации о родителях, особенно о матери. После всех совершенных ею бесчинств самое меньшее, что может сделать эта секта, – заполнить пробелы в знаниях Эллы. Когда достигнет своей цели, она уедет, изба-

вившись от головных болей, от бабушки, от ожиданий родителей – от всего, и начнет строить нормальную, счастливую жизнь, к которой стремилась, которую заслуживает.

Впервые после похорон Мими Элла почти сразу же уснула глубоким и безмятежным сном.

Глава 6

Дафна Александрис повернулась к своему мужу Ставросу.

– Слышал шум?

– Какой шум? – поднял тот глаза от планшета.

– Ну... дребезжание. Вот опять!

Супруги Александрис сидели в разных концах огромной гостиной особняка в колониальном стиле в чилийском городке Путре. Друг продал Ставросу здание за символическую плату в те времена, когда тот вершил политику Греции в качестве министра и правой руки Димитрия Манцариса. В обмен на это Ставрос дал зеленый свет строительству многоквартирных домов в бедном районе Афин, которые могли не полностью соответствовать правилам противопожарной безопасности. В любом случае дом в Путре являл собой оазис умиротворения и спокойствия, где Ставрос с женой могли скрыться не только от политических бурь, но и от всего, от чего понадобится скрыться. Стоявший чуть в стороне от населенного индейцами живописного городка в горах, охраняемого, словно добрыми божествами, пиками вулканов Таапака, особняк был чрезвычайно удобным и одновременно роскошным, богато украшенным бесценными предметами искусства южноамериканских индейцев доколумбовой эпохи. В Чили можно жить по-царски и на относительно скромные средства, но чета Александрис обладала далеко не скромными, так что жила на широкую ногу и могла себе позволить хорошую охрану.

– Наверное, это просто лисы или опоссумы, – зевая, ответил Ставрос. Было уже поздно: еще рюмочку хорошего коньяка – и спать. – В мусоре роются. Я pošлю Хуаниту – пусть прогонит.

Протянув левую руку, он, словно викторианский помещик-аристократ, позвонил в стоявший на столике небольшой серебряный колокольчик. Разумеется, тотчас же появилась экономка, словно вызванный из бутылки джинн.

– Хуанита, прошу вас, сходите и узнайте, что там за шум. Он раздражает сеньору Александрис.

– Не понимаю, откуда у тебя столько спокойствия, Ставрос, – прошипела Дафна, от напряжения вытянув худую шею так, что на морщинистой коже резко выступили сухожилия. – А если это не лисы? Если это она? Всем из окружения Манцариса грозит опасность. Ты сам это говорил. Потому-то мы и здесь, верно?

Подойдя к жене, Ставрос положил ей на плечо костлявую руку.

– Да, потому что здесь безопасно, дорогая. Все дела Афины – в Греции. Уж поверь, о Чили она даже и не думает. Зачем ей тратить силы и тащиться в горы на край света, чтобы разыскать нас.

Повернувшись, он шагнул к бару, налил себе почти полный бокал дорогого французского коньяка и спросил, потянувшись за чистым бокалом:

– Еще коньячку, Дафна? Успокоить нервы перед сном? Ты что, открыла окно? Ужасно...

Обернувшись, он замер, бокалы выпали у него из рук и разбились, усеяв множеством осколков персидский ковер. Его жена сидела, как и прежде, совершенно неподвижно и с открытыми глазами. Вот только в центре лба у нее темнело отверстие от пули. Подъемное окно у нее за спиной было открыто, кружевные занавески развевались на ночном ветру.

Ставроса охватил ползучий ледяной ужас и словно приковал к месту.

Он ничего не услышал, ничего: ни выстрела, ни вздоха – ни единого звука.

Перед глазами заплясали черные мушки.

Почему? Почему Дафну? Почему не его? Ей ведь он нужен. Вот стерва! Дьяволица...

Выпученными от страха глазами он оглядел опустевшую комнату, взглянул на тьму за окном и, словно загоняемый зверь, развернулся и бросился бежать.

– Заходим?

Элла в который раз оглядела деревянные ворота не меньше полуметра толщиной. Вписанные в ограду с колючей проволокой, они возвышались в два ее роста и в другом ландшафте выглядели бы широкими, но здесь, посреди калифорнийских лесов, окруженные секвойями, плотно, словно батальон древних великанов, стоявшими вокруг, они казались до смешного маленькими, словно вход в крепость на детской площадке.

Путь сюда был долгим и нелегким: шесть часов за рулем от гостиницы, где останавливалась Элла, до точки координат, которые прошлым вечером продиктовал ей мужской голос, если, конечно, все услышанное ей не почудилось и не служит признаком того, что она окончательно потеряла связь с реальностью и настало время показаться психиатру.

Навигатор вывел ее на узкую дорогу, серпантинном поднимающуюся к вершине холма. Пейзаж открывался просто потрясающий: более дикий, чем раздольные пастбища на ранчо у Мими, но не менее красивый. Природа в этой части штата напоминала края из книг Толкина³: сосны, горы, склоны, олени, медведи и умопомрачительные голубые небеса, казалось, простиравшиеся куда-то в бесконечность. Глядя на парящих над головой орлов и журчащие по камням рядом с дорогой водопады, иногда так близко, что стоит только опустить стекло и протянуть руку, чтобы их коснуться, Элла, похоже, позабыла обо всем и погрузилась в созерцание дивной и величественной природы. Суровая вера бабушки никогда не была ей интересна и не представлялась реальной, но эти виды с их спокойствием и красотой вызвали у нее желание поверить в Бога или, по крайней мере, во что-то за пределами ее самой, в нечто более значительное и важное, в то, чему она могла довериться.

На следующем этапе путешествия идиллия исчезла. В означенной точке координат Элле встретила молодая женщина по имени Агнес, и они тащились почти три километра по каменистому крутому откосу. Затем она завязала Элле глаза, посадила на заднее сиденье с виду дорожного «рейнджровера-велара», после чего минут сорок везла по ухабистой извилистой лесной дороге. Совершенно потерявшая ориентировку и вымотанная, Элла чуть было не потребовала, чтобы ее отпустили обратно домой, но после восьми изнурительных часов в дороге решила увидеть все своими глазами.

Место, представшее ее взору, походило скорее на фешенебельную гостиницу, нежели на лагерь для заключенных, на что красноречиво намекали прочные ворота. Среди аккуратно подстриженных газонов и лужаек виднелись небольшие белые летние домики, мягкий свет уличных фонариков выхватывал из сумерек ухоженные цветочные клумбы и очаровательные извилистые прогулочные дорожки, выложенные кирпичом. Тут и там стояли припаркованные гольф-кары, некоторые – доверху нагруженные мешками наподобие тех, куда складывают грязное белье. От увиденного у Эллы еще больше усилилось ощущение, что она прибыла на курорт Сан-Исидро, а не туда, где, возможно, ей угрожает опасность.

– Красиво, правда? – сказала Агнес, заметив недоумение спутницы. – Программы подготовки бывают очень интенсивными, так что мистер Радмейн считает важным, чтобы участники после трудного дня возвращались в приятную обстановку. Не роскошно, но успокаивает.

Элла слушала, гадая, уж не сам ли этот мистер Радмейн к ней приходил, и если да, то когда объявится и здесь.

– Проживание у нас по половому признаку, – продолжила Агнес. – Так что вас, конечно, поселят...

И вдруг ударила по тормозам. Дорогу им преградила группа растрепанных изможденных женщин, едва передвигавших ноги. Они были в армейских робах, со спутанными волосами и перепачканными лицами, и вдобавок – поразительно худыми. Когда Агнес со скрежетом остановила машину, одна из них повернулась и посмотрела Элле прямо в глаза, прежде чем

³ Толкин Джон Роналд Рейел (1892–1973) – английский писатель, филолог, автор волшебных сказок и рыцарских романов.

рухнула на колени и зашлась в приступе рвоты. Это полностью разрушило имидж курорта Сан-Исидро.

– О господи!

Элла потянулась к ручке дверцы, но Агнес стремительно схватила ее за руку.

– Вы куда?

– Разумеется, помочь ей. Вы что, не видите?

– Это подготовка, – отрезала Агнес, словно ее слова все объясняли. – И она в своей секции.

– Подготовка к чему? К Армагеддону? – съязвила Элла, глядя, как остальные женщины поковыляли дальше, а та, что рухнула на колени, лежала на покрытой щебенкой дорожке, явно без сознания.

Мучимая дурными предчувствиями, Элла ждала, пока они доедут до регистратуры, комендатуры или куда там они направлялись, но вместо этого, проехав еще несколько сот метров, Агнес остановилась у одного из летних домиков, жестом велела Элле выходить, потом спрыгнула на землю и достала из багажника ее рюкзачок.

– Вот тут ваше жилье.

– Понятно... – неуверенно протянула Элла.

– Что-то не так?

– Нет, просто... разве не надо регистрироваться? Доложить, что я здесь?

Агнес громко рассмеялась.

– Ах, Элла! Все уже знают, что вы здесь, дорогая. Где же вам еще быть? Мы все так вас ждали.

Элла старалась не вспоминать предостережения Боба о массовом помешательстве. Во что бы она ни ввязалась, было уже поздно.

«Ты здесь добровольно, – твердила она себе. – Не ради них, а ради себя: получить то, что нужно тебе, вернуть свою жизнь. А потом сбежать.

– Общий ужин через час, – прощепетала Агнес.

Элла подумала, что те женщины, которых она видела, похоже, не ели вообще несколько недель, но промолчала.

– Если вам что-то понадобится, обратитесь к соседке: наверняка поможет. – Подав Элле рюкзачок, Агнес вскочила на водительское сиденье и весело крикнула, отъезжая: – Добро пожаловать в Кемп-Хоуп!

Элла осторожно приоткрыла дверь домика.

– Э-эй?

В ответ раздался радостный женский визг, в нос ударил крепкий запах духов, и навстречу ей вышла пышногрудая блондинка в обтягивающей розовой футболке, делавшей ее похожей на куклу. Эта девушка явно не голодала, скорее наоборот – выглядела так, будто ела за целую секцию, причем все калории уходили в ее огромный бюст.

– О господи, ты здесь! Ну наконец-то! Глазам своим не верю! Господи, господи!

С виду блондинка была ровесницей Эллы, но в ее манере поведения сквозило что-то подростковое – от восторженного приветствия до странной полудетской одежды. Комната была разделена на два блока, и в каждом имелись кровать и умывальник. Половина Эллы пустовала, а свою блондинка превратила в розовое море с радужными подушками и постельным бельем, украшенным надписями «Привет, кошечка!». Антураж напоминал скорее не шпионское логово, а комнатку японской девочки предподросткового возраста.

– Ты, наверное, Элла.

– Так и есть.

– А я Кристина. Кристина Маршалл. Ужа-а-асно рада познакомиться.

Заклучив в объятия, Кристина крепко прижала Эллу к необъятной груди и опять взвизнула, на этот раз чуть потише, потом отпустила, и Элла осторожно опустилась на кровать.

– Ты наверняка очень устала, – участливо проговорила Кристина, распространяя крепкий, словно болотный газ, аромат духов. – Знаю, сама так же вымоталась, как только приехала. Но если есть вопросы, любые – задавай.

У Эллы была масса вопросов, но к мужчине, а не к этой ожившей Барби.

– Я ищу одного человека...

Она постаралась как можно точнее описать своего визитера: плотно сбитый, темноволосый, с волевым подбородком, хорошо одетый, – и все же получилось слишком расплывчато и стандартно.

– Он как раз меня завербовал, и хотелось бы с ним поговорить. Если возможно, то сегодня вечером. Ты его знаешь?

У Кристины вытянулось лицо.

– Вроде бы нет. Извини. Но если верить твоему описанию, была бы не прочь познакомиться. Впрочем за общим ужином увидишь: там собираются все, – если, конечно, он в лагере.

– Все? А как же те женщины? Они выглядели не очень-то сытыми.

– А, так они, наверное, были на операциях, – пояснила Кристина с той же уверенностью, что и Агнес, в том, что так и надо. – Дисциплина и самоотдача – часть программы подготовки.

В этот момент в домик буквально влетел очень толстый человек со всклокоченной бородой и длинными волосами, обрамлявшими основательную лысину на макушке. На лице его читалось почти маниакальное возбуждение, когда, впившись глазами в Эллу, он воскликнул:

– Так вы наконец-то здесь?

– Мы знакомы? – нахмурилась та.

– Еще нет, но я вас знаю. Все вас знают. Вы тут прямо-таки знаменитость, мисс Прэгер. Джексон, – широко улыбнулся толстяк и протянул руку, похожую на медвежью лапу, – друг Крисси.

– Скорее кошмар моей жизни, – поправила Кристина, хотя прозвучало это очень нежно. – Джексон считает себя важнее других, потому что он системщик и к тому же гений.

– А она ведет себя по-стервозному, потому что жаждет моего тела и знает, что ей его не получить, – невозмутимо возразил Джексон.

Элла сначала смутилась, затем рассмеялась и заявила:

– Уж не знаю, что вы там обо мне слышали, но я не в вашей «Группе», а здесь лишь из-за одного человека, который неожиданно появился на похоронах моей бабушки, а потом сказал, что обладает информацией о моих родителях и... прочем. Может, вам что-нибудь о них известно? Уильям и Рейчел Прэгер. Они вступили в «Группу» много-много лет назад, еще до моего рождения.

Новые знакомые переглянулись, и Джексон ответил:

– Простите, я ничего о них не знаю, но вот о вас мы наслышаны. Вы обладаете особыми способностями, которые могут сыграть в нашей работе решающую роль.

– И очень важно, чтобы здесь ты чувствовала себя как дома, – искренне добавила Кристина.

– Так что добро пожаловать в наш дом! – сказал Джексон.

– Спасибо, – кивнула Элла. – Но если вы не слышали о моих родителях, то, возможно, знаете человека, который меня завербовал?

– Извините, но я тоже такого не припоминаю, – пожал плечами Джексон.

Похоже, кроме того, что Элла обладает особыми способностями, которые сыграют решающую роль в чем-то там, что она другая и что ее ждали, никто ничего не знал.

«Я словно единорог из сказки, которого все ждали, но не знали зачем», – подумала Элла. Ею вдруг овладела усталость пополам с раздражительностью.

– Простите. Похоже, я ошиблась: не надо было сюда приезжать. Мне нужно уехать.

– Уехать? – в ужасе отшатнулась Кристина. – Но... тебе нельзя уезжать: ты ведь только что приехала.

– Простите, – повторила Элла. – Удачи вам. Рада была познакомиться.

Она схватила рюкзачок и, не раздумывая, выскочила из домика. На дорогу сюда она положила целый день, выдавшийся долгим и очень нелегким, и после вчерашнего вечера ее надежды взлетели до небес, но все впустую. Визитер заманил ее сюда ложными посулами. Она не верила, что никто в Кемп-Хоупе не знал ее родителей. Гость обманом завлек ее в эту свою «Группу», состоявшую из неудачников и чудиков, а потом исчез, как и в первый раз.

Джексон казался милым, да и с Кристиной, возможно, можно было общаться, пусть она пустышка и хохотушка, но вся эта общительность тщательно контролировалась. Все ее восторги и улыбки с подоплекой «терпение, все прояснится» имели цель втянуть Эллу в какое-то дело этой «Группы», не отвечая при этом ни на один из ее вопросов.

Она прошагала по извилистому лабиринту дорожек к самым воротам. По пути ей встретились всего несколько человек, кое-кто бросал на нее любопытные взгляды, но никто ей не помешал. Все остальные явно спешили на общий ужин. Наконец Элла дошла до ворот, и сердце у нее заколотилось, когда она приблизилась к двум охранникам и выпалила:

– Мне нужно уехать, сейчас же.

– Уехать? – удивился один из охранников.

– Да, – твердо ответила Элла, хотя ее охватила паника: что, если они ее не выпустят? Что, если посадят в тюрьму?

– Вы уверены? – спросил другой охранник, отчего Элла разволновалась еще сильнее. – Уже очень поздно. Куда вы поедете?

– Просто откройте ворота! – потребовала Элла.

Охранник замаялся.

– Открывайте!

К ее величайшему удивлению и облегчению, тот пожал плечами и выполнил ее просьбу, нажав кнопку, отчего ворота открылись. Снаружи, за пределами тускло освещенного Кемп-Хоупа, перед ней простиралась, теряясь в бесконечности, непроглядно-черная лесная чаща. Элла замерла в нерешительности. «Куда же я все-таки поеду?» Ее вдруг ударила мысль, что она понятия не имеет, где искать свою машину, к тому же Агнес наверняка отвезла ее за несколько километров от того места. Там могут встретиться медведи, пумы и бог знает что еще. Телефон у нее разрядился, оружия не было. Может, вернуться и подождать до утра?

– Так скоро нас покидаете, Элла?

Она резко обернулась. Мужской голос отдавался у нее в голове так четко и ясно, словно она смотрела телевизор или слушала радио у себя в комнате. Как всегда, он звучал чрезвычайно спокойно и отстраненно. Почти весело. И это бесило.

– Где же вы? – взлетел к вершинам деревьев раздраженный голос Эллы. Где-то в кронах должна висеть хорошо спрятанная камера, но при таком освещении она ее не видела. – Ответьте!

– Не нужно кричать. Разумеется, вы можете беспрепятственно уехать в любое время, – снисходительно-медленно и терпеливо объяснил голос, словно Элла сошла с ума. – Здесь не тюрьма.

– Хотя очень похоже! – рявкнула Элла в темноту, понимая, что если ее слушают, то могут подумать, что она совсем спятила, если говорит на повышенных тонах с воображаемым собеседником. – Судя по тому, что мозги у всех основательно промыты.

– Не стоит так драматизировать.

Значит, и тут есть подслушивающие устройства. Наверняка, иначе как бы он ее услышал?

– Как вы это проделываете? Как вы со мной разговариваете? Транслируете?..

– Терпение, – отозвался голос. – Все ответы на ваши вопросы здесь, Элла. Даю вам слово. О ваших родителях, о прошлом. И о будущем.

– Нет! – огрызнулась она в ответ. – Нет их тут. Никто ничего не знает.

Долгий вздох.

– Знают. Поверьте мне.

– С чего это? – взорвалась Элла. – С чего бы мне вам верить, когда вы не говорите, кто вы такой, где находитесь, или просто молчите? Если у вас действительно есть ответы, почему бы вам не дать их мне прямо сейчас? Чего вы ждете? Чтобы мне тоже промыли мозги? Вот что я вам скажу – этого не будет.

На мгновение повисло молчание. Полное молчание. Элла гадала, не исчез ли голос: а вдруг он «повесил трубку» на какой-то линии, которую, похоже, провел ей прямо в голову, прямо в душу, – но тут он снова заговорил, и уже гораздо дружелюбнее.

– Переночуйте здесь. – Это прозвучало не как приказ, а скорее как предложение. – В лесу опасно, и вам нужно выспаться.

По крайней мере это было правдой, как бы она ни хотела обратного.

– Завтра к концу дня кто-нибудь вкратце изложит вам суть дела. Если после той встречи вы по-прежнему захотите уехать, я помогу вам благополучно добраться домой.

Не в силах возразить и донельзя вымотанная, Элла кивнула и молча поплелась вниз по склону холма к своему домику, а озадаченные охранники смотрели ей вслед.

Она не доверяла этому человеку, поскольку судила о нем по его словам, но не доверяла она и медведям.

Завтра.

Завтра она уедет.

От одного дня в Кемп-Хоупе она не умрет.

Глава 7

«Они пытаются меня уморить, вне всякого сомнения».

Элла опустилась на колени, не в силах и шагу сделать. Легкие нестерпимо резало. После двенадцатикилометровой пробежки по безжалостной полуденной жаре у нее создалось ощущение, будто вдохнула мешок лезвий. Кожа горела, мозоли на ногах ныли от боли, а жуткая тошнота поднималась из желудка (пустого) до пересохшей глотки. Какая уж там морская пехота. Первый день «вводной» физической подготовки в Кемп-Хоупе явно разработал опытный пыточных дел мастер, скорее всего завербованный «Группой» в какой-нибудь малазийской тюрьме.

– Так, девушки. Минуту попить водички, а потом переходим к активному отдыху, то есть легкой трусцой на базу. Трусцой, а не шагом.

Вчерашний великан в тренировочном костюме улыбнулся Элле и распростертым рядом с ней двум молодым женщинам с таким видом, словно сделал им одолжение. Он явно переключился с давешней команды изможденных скелетов на новоприбывших, включая Эллу, чтобы приобщить их к радостям оперативной подготовки, которые после сегодняшнего маршброска Элла однозначно решила больше не испытывать. К ее великому изумлению, две другие девушки слабо улыбнулись в ответ, за что и удостоились ее испепеляющего взгляда. Эти сектантки с промытыми мозгами окончательно вывели ее из себя. Она заметила, как они испугались, глядя на нее, но Элле было совершенно наплевать, пусть даже бы от этого зависела ее жизнь.

Продолжая бежать трусцой по лесу, Элла чувствовала, как ее все сильнее охватывает безысходность, несмотря на то что дышать стало легче. Сегодня мужской голос молчал, ничего не говоря ни об инструктаже, который она должна получить, ни о чем-то еще. Другие голоса у нее в голове полностью смолкли. Часов у Эллы не было, но по положению солнца она прикинула, что сейчас по меньшей мере часа три дня, и вспомнила долгие, изнурительные часы тренировок. Ей очень хотелось сказать великану в тренировочном костюме, куда тот может засунуть свои рявкающие команды, однако после всего ею пройденного она боялась сделать хоть что-то, что могло сорвать обещанную встречу со множеством объяснений. Но теперь Элла начала подозревать, что мужской голос опять просто водит ее за нос, помахивая перед ним морковкой, которую вообще не собирается отдавать.

Вернувшись в лагерь, Элла на минутку остановилась отдышаться, прежде чем ступить на дорожку, которая, по словам Кристины, ведет к административным зданиям.

– Прэгер, – загудел великан, – ты это куда? Душевые вон там.

Ответом ему стал красноречиво поднятый над головой средний палец. Она шла, не останавливаясь, под потрясенное оханье и аханье своих «коллег», и через несколько минут, распахнув дверь главного здания с такой силой, что та едва не слетела с петель, Элла, задышающаяся и мокрая от пота, уже стояла, похожая на разъяренного быка, у стойки референта.

– Мне нужно видеть кого-нибудь из руководства этой свалки, – бросила она молодому человеку за стойкой. – Немедленно.

Тот совершенно невозмутимо улыбнулся:

– Конечно, мисс Прэгер. Мисс Маквей ждет вас. Не угодно ли стакан воды, или сразу пройдете?

Обескураженная таким приемом, Элла замялась и не успела ответить, как стеклянная дверь за стойкой распахнулась и к ней шагнула привлекательная дама чуть за пятьдесят в деловом костюме.

– А-а, Элла. Я так и знала, что это вы. Меня зовут Кэтрин Маквей, я куратор лагеря Кемп-Хоуп. – Протянув руку, она радушно пожала ладошку Эллы. – Прощу вас, входите.

В светлом чистом кабинете стояла белая современная мебель с хромированной отделкой. Из огромного панорамного окна открывался дивный вид на секвойные леса и раскинувшиеся за ними луга, на стенах висели фотографии водопадов и осенние пейзажи. Стол Кэтрин Маквей был пуст за исключением ноутбука, заряжающегося смартфона и одинокой бежевой папки с фамилией Эллы на обложке.

– Садитесь. – Усевшись за стол, Кэтрин указала Элле на стул напротив. – Вспоминаю свой первый день подготовки. Не курорт, верно?

Она улыбнулась, но Элла осталась серьезной, не собираясь поддаваться показному дружелюбию здешних обитателей.

– Ваша подготовка меня не интересует. И я не член вашей идиотской «Группы». Я пришла сюда, чтобы побольше разузнать о своих родителях, Уильяме и Рейчел Прэгер, и о том, что они сотворили с моей головой. Это единственная причина, ради чего я сижу здесь, перед вами, потому что мне обещали ответить на вопросы, а не потому, что я верю словам – вашим или чьим-то еще.

– Понимаю, – спокойно кивнула Кэтрин Маквей.

– Нет, не понимаете! – бросила Элла. – Как вы вообще можете меня понять?

– Вы раздражены и взбудоражены, – спокойно сказала Кэтрин. – Отчего бы вам...

– Человек, который со мной связался, который приезжал на ранчо в день похорон моей бабушки и который рассказал мне об этом лагере... заявил, что мои родители были членами вашей организации. Он передал мне видеофайл... там мой отец это подтвердил. Еще сказал, что мои родители были учеными и... – Она подыскала подходящее слово. – ...откорректировали некоторые части моего мозга.

– Верно, – согласилась Кэтрин.

– Я выросла в полной уверенности, что мои родители погибли в автокатастрофе в девяносто восьмом году. Это так?

Кэтрин Маквей пристально взглянула на Эллу.

– Нет, не так, но, полагаю, человек, с которым вы встречались, уже вам все объяснил?

– Он сказал, что моих родителей убили.

Кэтрин откашлялась.

– Боюсь, что это правда, Элла.

– Ну да... Прошу прощения, но я не поверю вам на слово, – прошипела Элла в бессильной ярости, словно запертая в клетке змея. – Хочется увидеть доказательства.

– Понимаю. Ну что ж...

– А еще мне нужны доказательства, что именно мои родители, а не ваши люди, сотворили с моими мозгами что-то такое, отчего я слышу эти чертовы... шумы. Все время! – Элла хлопнула себя кулачками по вискам, вдруг почувствовав, будто череп ее готов взорваться, как граната, и годами сдерживаемые гнев, страх и безысходность грозят вырваться наружу. – Потому что он и это сказал, тот человек, добавив, что если я приеду сюда, то мне полегчает, но мне не полегчало. Вчера вечером он снова это пообещал, послав мне в голову проклятые звуковые сообщения, словно у него есть ко мне доступ, а доступа у него нет! А еще я уверена, что все вы тут полные дерьмаки!

Она заколотила кулаками по столу, отчего бежевая папка запрыгала по полированной столешнице. Увидев на обложке свое имя, Элла взяла ее в дрожащие от ярости руки и спросила:

– Значит, это мне, так?

– Да, – все так же невозмутимо ответила Кэтрин Маквей.

– И там доказательства?

– Нет. Доказательств, которые вы ищете, не существует. Но Габриель говорил вам правду. Габриель? Элла почему-то представить себе не могла, что того человека зовут именно так.

– В этом досье, – Кэтрин коснулась ладонью папки, – содержится краткая информация о нас и нашей работе, а также предварительные данные по вашему первому заданию. Надеюсь, вы найдете там ответы на некоторые вопросы. Вероятно, вам сначала надо прочесть это, а затем мы продолжим разговор?

– Нет. – Элла встала и покачала головой. – Довольно. Хватит. Этот человек – Габриель – вчера вечером сказал, что, если меня не удовлетворит сегодняшняя встреча, я смогу уехать, а он поможет мне вернуться в Сан-Франциско. Так что я уезжаю. Сейчас же.

Кэтрин Маквей посмотрела Элле в глаза. В них не было ни сожаления, ни сомнения. Лишь очень опасное сочетание отвращения и решительности. «Если она сейчас уедет, мы навсегда ее потеряем. Она не вернется».

– Как Габриель связался с вами вчера вечером?

Элла уже шагнула к двери, но едва не споткнулась, словно парфянская стрела вонзилась в спину.

– Он транслировал слова прямо вам в мозг, так ведь? – воспользовалась своим преимуществом Кэтрин. – Вы слышали его голос в голове.

Элла неохотно кивнула.

– Я же говорила: прорывается сквозь остальные шумы и говорит со мной.

– Но каким образом? Единственный способ этого достичь – хорошо знать об изменениях, внесенных вашими родителями в биохимию вашего мозга, не так ли? Задумайтесь над этим, Элла. Только мы знаем, кто вы. Только мы понимаем, почему вы другая. Больше никто.

– Так скажите мне! – взревела Элла, резко развернувшись. – Сейчас, сегодня, иначе я уеду и не вернусь. Мне нужно увидеться с этим Габриелем. Здесь. Лично. – Она ткнула пальцем в стол. – Чтобы он рассказал мне все, что знает обо мне и о том, что произошло с моими родителями. А если нет, то я уеду и... обращусь в полицию: пусть займется этой вашей «Группой» или как там ее...

Лицо Кэтрин потемнело.

– Вот этого точно не следует делать.

Голос ее по-прежнему звучал спокойно, но теперь в нем ясно слышалась угроза.

– Это еще почему? – воскликнула Элла.

– Просто не следует – и все.

На несколько секунд воцарилось молчание, затем Кэтрин с олимпийским спокойствием продолжила:

– Я отправлю запрос Габриелю, чтобы лично явился в Кемп-Хоуп для встречи с вами, а также обеспечу вас более подробными письменными свидетельствами работы у нас ваших родителей. Это особенно касается их последнего задания и обстоятельств гибели.

– Когда? – спросила Элла.

– На это уйдет несколько дней. Возможно, неделя.

– Неделя? Нет. Неделю я здесь не выдержу. Не смогу.

– Ну почему же? – усмехнулась Кэтрин. – Ваши ровесницы платят тысячи долларов, чтобы попасть в загородный фитнес-центр.

– Я не из их числа, – отрезала Элла. – И здесь не фитнес-центр.

– Вы правы. Тут нечто более объемное, – согласилась Кэтрин. – Физическая подготовка – лишь малая часть вашего задания.

Элла устало вздохнула.

– Какой смысл готовить меня к заданию, которое я не намерена выполнять? Я же вам говорила.

Кэтрин пристально посмотрела на нее.

– Просто я верю, что вы, как дочь своих родителей, однажды поймете, чем мы занимаемся и насколько это для нас важно. – Она снова протянула Элле папку. – Убеждена, что вы захотите вступить в наши ряды. Рано или поздно.

Элла молча взяла папку, а Кэтрин, откинувшись на спинку кресла, добавила:

– Но если я ошибаюсь и вы решите не вступать в наши ряды, то попытайтесь взглянуть на пребывание здесь как на некую возможность, шанс обрести физическую форму, больше узнать о своих способностях, открыть для себя новые горизонты, возможность познать свою истинную силу. Хотелось бы начать с того, чтобы направить вас к профессору Майклу Диксону. Он наверняка сможет вам помочь с головными болями.

– Каким образом? – поинтересовалась Элла, вспомнив, что ее уже водили за нос, обманом вынуждая довольствоваться туманными обещаниями. – Он врач?

Кэтрин улыбнулась еще шире, отчего ее лицо сделалось почти добродушным.

– В некотором роде.

– Нельзя быть врачом в некотором роде, – заметила Элла. – Или врач, или не врач.

– Уверена, он вам понравится, – бодро ответила Кэтрин. – Референт Гордон покажет, куда вам идти. Выход найдете сами.

– Вы хотите, чтобы я прямо сейчас встретилась с профессором?

Кэтрин несколько удивилась.

– Решайтесь же, дорогая. По-моему, это вы спешите...

Профессор Майкл Диксон по прозвищу Дикс оказался человеком невысокого роста, чуть выше метра пятидесяти, с шапкой вьющихся седых волос, очень сутулым и с таким морщинистым лицом, что оно напомнило Элле маринованные орехи, которые заготавливала Мими. Крохотные черные глазки, похожие на угольки, глубоко сидели в глазницах, словно вдавленные в имбирный пряник две изюминки. Одет он был в рубашку из плотной хлопчатобумажной ткани и вязаный жилет, от одного вида которых Элле бросило в пот, в мешковатые вельветовые брюки и начищенные до блеска полуботинки. Когда он заговорил, Элла услышала безукоризненное британское произношение, прямо как из сериала «Аббатство Даунтон».

– Элла Прэгер! Глазам своим не верю.

Он оценивающе оглядел девушку с ног до головы, как только та вошла в его лабораторию, находившуюся в неприметном здании из пеноблоков с рядом квадратных, высоко поставленных окон, сверкавшую самыми последними технологическими достижениями.

– Мы все думали, что вы миф, дорогая. Городская легенда. Но нет! Вы здесь, из плоти и крови, пришли со мной поговорить. Кто бы мог подумать! Что ж, большая честь для меня, дорогая моя, большая.

Повернувшись к сгрудившимся у компьютерного монитора лаборантам, профессор Диксон недовольно нахмурился.

– Ну что, молодые хулиганы, кто-нибудь принесет мисс Прэгер стул?

Один из молодых людей тут же притащил пластиковый стул и поставил рядом с Эллой.

– Чашечку чаю? – заботливо предложил профессор Диксон.

– Благодарю вас, – улыбнулась Элла. – С удовольствием.

Было просто невозможно не проникнуться симпатией к этому милому и добродушному старику, особенно если тот, казалось, восхищался ею.

– Простите. – Элла покраснела, когда у нее в животе громко заурчало. – С утра ничего не ела.

Хлопнув в ладоши, профессор Диксон властно и зычно крикнул молодым лаборантам:

– Чаю, печенья и пирожных, живо! – Затем доверительным тоном продолжил: – Честно говоря, не знаю, что случилось с этими дураками из оперативного отдела. В том смысле, что физическая подготовка – это все очень хорошо, но я им тысячу раз говорил: армия не может

маршировать на пустой желудок. Итак, мисс Прэгер, с чего начнем? Чем я могу вам помочь, дорогая моя девочка?

Элла впервые ощутила, как ее скепсис и недоверие по отношению к «Группе» начали давать трещину. Если этот человек решил посвятить организации свою жизнь и свой талант, то в ней не могли состоять поголовно одни негодяи.

– Вы, очевидно, знаете, кто я, профессор Диксон, – начала она осторожно. – В том смысле, что мое имя было вам известно?

– Конечно, было, – с серьезным видом кивнул старик. – Фамилия Прэгер кое-что да значит для всех нас, Элла. Можно мне вас так называть?

– Разумеется.

– Благодарю вас, – широко улыбнулся старичок. – А вы зовите меня Дикс, как и все вокруг.

– Хорошо, – кивнула Элла.

– Все мы в «Группе» очень долго вас ждали. С научной точки зрения вы... ну, уникальны.

– Профессор... – начала она, глубоко вздохнув, но он поправил:

– Дикс.

– Дикс. Извините. Много ли вам известно о манипуляциях, которые проводились с моим мозгом еще в утробе матери?

– Так-так, давайте-ка посмотрим. – Профессор ободряюще улыбнулся, потирая ладошки, словно перед ним был детский конструктор и ему не терпелось с ним поиграть. – Думаю, мне известно не больше, чем любому из тех, кто не присутствовал при опытах. Я читал все ваши медицинские протоколы и документы, касающиеся беременности вашей матери. Плюс мне, по счастью, достались статьи о генетической неврологии, над которыми ваши родители работали во время нахождения здесь. Так что я имею довольно ясное представление, чего они пытались достичь. Что же до результатов – до масштаба и пределов вашего дара на сегодняшний день, – ну, этого не узнает никто из нас, пока мы не начнем совместную работу. Вот почему чрезвычайно интересно, что вы...

– Вы сможете помочь мне избавиться от головных болей? – прервала его Элла.

Дикс задумчиво посмотрел на нее. Весьма красноречивый и отрезвляющий вопрос, заданный ею в первую очередь. Бедняжка настрадалась куда больше, нежели он мог себе вообразить, поэтому с серьезным видом ответил:

– Надеюсь, что да.

– А как насчет... другого? – Элла нетерпеливо закусила губу, и Дикс ждал, пока она объяснит поподробнее. – Я не всегда хорошо общаюсь с людьми, плохо разбираю эмоции, часто не знаю, что сказать, совершаю ошибки.

– Все мы совершаем ошибки, – мягко заметил Дикс. – Уверен, что вместе мы сможем избавить вас от... скованности в общении. – Ему приходилось тщательно подбирать слова, чтобы не напугать ее. – Нелегко пытаться кого-то понять, когда у тебя в голове такой шум и гам.

– И вправду нелегко, – согласилась Элла, благодарная профессору за простое человеческое понимание.

– Конечно, сложившиеся за много лет привычки не изменятся вот так вдруг: это относится и к управлению вашим даром, – так что надо готовиться работать с полной отдачей.

– О, я давно готова, – сказала Элла, – уж поверьте. Сделаю все, что нужно.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Дикс. – А я хочу извиниться за свое разглагольствование: боюсь, слишком бурно выражал свою радость. Элла, в ближайшие дни и недели мы с вами откроем массу всего интересного. Есть ли еще вопросы, на которые я могу вам ответить прямо сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.